

Клаус. Сектаторы-колонисты в России. Исторические очерки. Меннониты. Вестник Европы. Август.1868.

VII.

Обращаясь к дальнейшему описанию экономических результатов, достигнутых меннонитами, мы ограничиваемся, по преимуществу, одним Молочанским округом, как самым значительным и наиболее интересным по вопросам внутреннего общественного развития.

В этом округе к 1866 г. состояло:

1) Домовъ жилыхъ: изъ жженого кирпича 1,263)

изъ другихъ материаловъ 1,891) 3,154

изъ нихъ крыты черепицею 849

2) Сиротъ обоюго пола 2,406, им принадлежало:

капитала 278,646 р.)

имущества на . . . 384,150 р.) 662,796 р., т. е. более 275 р. на каждую сироту, или до 660 на опеку, тогда как у бывших государственных крестьян приходилось в том же году на одну опеку: в Таврической губ. по 110, а в Екатеринославской по 113 р.

3) Плугов 3,287, борон 4,240, немецких двуконныхъ фур 4,563, орудий для очистки полей от сорных растений (Akkerhaken, Bugger) 1,090; плугов для садки картофеля 369;

-714-

Молотилок 22 и машин: сеяльных 31, носильных 10; для просева зерна—1,200 и для резки соломы 181 ручных и 348 конных.

4) На ревизскую муж. пола душу приходилось: лошадей—1.2, голов рогатого скота 1.3, овец испанской породы и мериносовъ 4.7.

5) Мельниц: водяных мукомольных 5, ветрянок 54, для выделки крупы 17, и конных 105; маслобоен 42; заводов: кирпичных 29, черепичных 11, сукновальных 2, пивоваренных 2, гончарных 2, винокуренных 1, красильных 14, уксусных 4, для выжигания извести 5, железолитейных 1, кожевенных 2, и шелко-мотальных 37; произведения и изделия этих заведений простирались в 1866 г. на сумму более 50,000 руб.

6) Мастеровых: каменщиков 16; ткачей 27; кузнецов 166; строительных мастеров 50; столяров 58; токарей 11; тележников 80; часовых дел мастеров 2; портных 46; красильщиков 15; медников 2; шорников 11; машинистов 7; обручников 7; переплетчиков 1; стекольщиков 18; слесарей 2; маляров 18; кожевников 2; сапожников 45. Ими занято было 820 рабочих обоюго пола и произведено: а) на 51,751 р. разных работ и б) на 99,227 разных земледельческих орудий, как-то: плугов, борон, фур и т. д., из числа коих продано на сторону, вне округа, на 61,862 р.

В 1865 г. урожай хлебов и трав по тому же Молочанскому округу былъ посредственный, именно:

	дес.	посеяно четв.	собрано урож четв.
Ржи озимой	6,426	2,264	33,935
» яровой	23	10	31
Пшеницы яровой . . .	21,254	10,230	73,474
» арнаутки	30	23	75
Овса	8,391	8,252	38,879
Ячменя	9,847	7,271	68,251
Проса	443	57	394
Картофеля	1,135	3,221	14,121
Гороху и чечевицы . .	105	52	99
Льна	68	10	4
Итого	47,725	31,394	229,267

Въ этомъ же году собрано сена до 867,785 и соломы до 1.372,107 пудов; смотаннаго шелку 24 ¼ пуда¹⁾

¹⁾ В 1865 и предъидущих годах шелководство пришло в крайний упадок, послучая эпидемии на червя; но с 1866 г. меннониты приобрели свежие семена из Японии, и отрасль эта снова дала блестящий результат.

-715-

В 1867 году, при урожае озимых сам-4.0, а яровых сам-10.3 было получено четвертей 9,584 озим. и 296,265 яров., из которых до 130,000 четвертей поступили в продажу по цене 10—13 р. четв.; сена же было собрано 376,181 и соломы — 2.543,675 пудов.

От продажи сельских произведений хозяева выручили в 1865 году:

От скотоводства и овцеводства до	154,234 р.
» земледелия и покосов	273,176 »
» лесных, садовых и огородных произведений	16,796 »
От шелководства	7,920 »
Итого	452,126 р.

У них состояло годичных работников:	муж.	жен.
Из местных обывателей . .	464	444
» иностранцев.....	145	92
» русских	306	207
Итого .	915	743
	Всего 1658	

Расходы молочанскаго окружного общества составляли в том же 1865 году:

1) Жалованье и содержание годичных слуг...	62,785 р.
2) Поденщиков.....	31,281 »
3) Содержание окружного управления, врача и фельдшера	3,529 »
4) Вознаграждение погорельцев . .	7,455 »
5) Содержание сельских управлений .	8,104 »
6) » учителей	5,979 »
7) » пастухов	10,683 »
8) На покупку корма для скота . .	5,572 »
9) На содержание хозяйств . . .	242,666 »
10) Подати и повинности	25,310 »
Иого	403,364 »

Цифры эти, конечно, только приблизительно верны; к тому же они дают понятие только о более крупных и потому до ступных для статистики статьях хозяйства. Для более вернаго в этом отношении заключения нужно принять еще в соображение

-716-

земли и заведения, принадлежащая в полную собственность разным молочанским меннонитам вне пределов округа, а также торговые их капиталы и т. д. Но и приведенных цифр достаточно, чтобы убедиться в богатстве, обеспеченности и благоустроенности описываемаго нами водворения. Казалось бы, что меннонитам нечего желать более: их дворы— зажиточные фермы или дачи, утопающия в зелени садов и плантаций; повсюду мы находимъ у них, если не роскошь, то порядок, изобилие и довольство. Но везде есть пятна, и потому было бы неестественно не быть им и здесь. Чтобы отыскать эти пятна и показать оборотную сторону медали, нам необходимо войти глубже в дело и даже начать несколько издалека.

Данный меннонитамъ в начале колонизации «независимо от числа душ» 65 дес. надел на семейство, равнялся подушному наделу в 35—40 дес. Никто из поселенцев, кроме одной Сарепты и рибенсдорфских колонистов, подобнаго надела не получал. Некоторым колониям, в одной с меннонитами местности, было дано всего только по 15 дес. на душу. Точно также не всем колонистским водворениям были нарезаны запасныя земли на прибылое население, если же таковыя были отведены, то далеко не в тех размерах, как меннонитам. Следовательно, не все из колонистов имели столько возможности, как именно меннониты, образовывать постоянно новыя колонии из молодых семействъ, и при посредстве выселения, поддерживать в коренном водворении первоначальный значительный размер надела, или, другими словами, предупреждать

излишнее и отяготительное скупивание там населения. Плата подушный оклад по 15 к., возвышенный только с 1862 г. до 40, а со 2-й половины 1867 г. до 90 к. с души; внося постоянную поземельную подат по 4 ½ к.¹⁾ с дес. надела, и такую же, или даже меньшую, с запасной десятины; и обращая на свои нужды все доходы от запасных земель, продажи нитей и других общественных статей, меннониты снова являются в несравненно более выгодных условиях, нежели все остальные поселенцы южного края России, которые, или обложены высшею поземельною податью, по оценке, или уравниены по платежу податей и повинностей с местными крестьянами.

Такие огромные преимущества, в соединении с энергическим трудом и знанием дела, имели последствием блестящий успех меннонитского хозяйства. Но ни выгоды, ни успехи эти не были в состоянии предупредить распадение населения каждой

¹⁾ С 1862 г. поземельная податъ возвышена на 25%, т-е. до 5 2/3 коп. с дес.

-717-

сельской общины на два разряда — хозяев и безземельных — на взаимных отношениях которых сосредоточивается весь интерес внутреннего быта колоний.

Уже закон 19 марта 1764 г. предусматривал эти последствия лично-общинной системы. Безусловно не допуская дробления подворных участков ни по праву наследования, ни вообще по произволу хозяина или общества, законоположение это стремилось противодействовать несоразмерному накоплению безземельного населения прирезкою к каждой колонии «пустых дворовых и огородных мест для рукомесленников одну шестую часть против общего числа всех крестьянских дворов, да такую же часть с пашенною землею и прочими угодьями для будущих детей, дабы оные, пришедши в возраст и женясь, сами хозяевами быть могли. Но нигде при колонистских водворениях прошлого столетия таких запасных угодий не было оставлено, что, какъ мы выше видели, привело к затруднениям. Поэтому, законодательство 1801—1803 г. пошло далее. Во-первых, к водворениям иностранных поселейцев, происходившим по 1820 г., были прирезываемы более или менее значительные участки запасных земель «на прибылое население»; во-вторых, был разрешен, как выше замечено, раздел нормального двора или хозяйства. На этом основании, по мере раздачи в надел имевшихся при округах земельных запасов, началось в колониях, где ранее, где позже, дробление подворных хозяйственных участков. Но мера эта слишком тесно связана с условиями хозяйственного успеха и потому обычай, опираясь на закон, поставил раздел хозяйства почти повсеместно в безусловную зависимость от согласия «лучших хозяев», т. е. схода. Пользуясь этим правом, меннонитские общества допускают раздел земледельческого двора крайне туго: в 1841 г., Молочанский округ накопил уже более 1,700 безземельных семейств на 1,033 хозяев; но ни один из дворов еще не был разделен. Даже на 1867 г. мы находим здесь не более 322 половинных хозяйств, а всего 1,612 хозяев на 2,617 Anwohner'ов и безземельных семейств. Понятно, что эти последние ни в какомъ случае не могли находить необходимых для существования их средств в одних промыслах, ремеслах, торговле и заработках по округу. Отсюда, как увидимъ ниже, возникли весьма существенные затруднения.

При последовательном развитии лично - общинной системы обнаружились еще неудобства иного рода. Законодательство, установляя порядок общественного управления колоний, говорит,

-718-

что на сельский мирской сход созываются колонисты «не менее одного с каждого двора», и что выборы должностных лиц сельского и окружного управления производятся из «совершеннолетних колонистов, имеющих собственное свое хозяйство». 70 лет тому назад термины «двор, хозяйство» не устранили от участия в сходах никого из представителей наличного числа колонистских семейств: каждая семья владела в то время «двором или хозяйством»; следовательно, она посылала на сход и своего представителя, как полноправного члена общества. Благодаря запасным землям, у меннонитов такой правомерный состав сходов и выборного их начальства могъ удержаться довольно долгое время. Но увеличение меннонитского населения шло так быстро, а сходы противились дроблению подворных 65-дес. участков так упорно, что уже в исходе 30-х годовъ масса накопившагося у них безземельного населения приводила в раздумье наиболее опытные и проницательные умы. Основываясь на том, что употребляемые законом термины «двор, хозяйство» должны сохранять неизменно свое первоначальное значение, хозяева допускали в

состав сходов только распорядителя полного 65-десятинного двора, и исключительно за такими же «хозяевами» признавали право занимать должности по общественной выборной службе. Таким образом, при посредстве сходов и выборного начальства, эти хозяева сосредоточили в своих руках всю власть общественного самоуправления, и распоряжались, по собственному усмотрению, средствами обществ, привлекая нарождавшееся безземельное население, по внутренней раскладке, к участию в платеже сборов и отбыванию повинностей.

С другой стороны, хозяева постоянно выставляли знаменем своим: «образцовое 65-ти-дес. хозяйство», и, соответственно тому, позволяли заселение запасных участков не иначе, как на условиях, требовавших единовременной затраты на первоначальное обзаведение каждого отдельного двора не менее 2—3 тысяч руб. Подобную сумму мог отделить только зажиточный хозяин, следовательно, на запасных землях водворялись одни братья, сыновья и т. д. таких именно хозяев; безземельные же и вообще потомство менее состоятельных хозяев оставались и в этом отношении ни при чем. В руки потомства зажиточных хозяев переходили мало-по-малу даже дворы хозяев менее состоятельных и обремененных не в меру народившимся составом семьи. Но обстоятельства эти мало кого заботили в прежнее время. В 30-х годах, при Молочанском меннонитском округе все еще оставалось свободных

-719-

запасных земель около 35,000 дес., которые, впредь до заселения, отдавались безземельным под пашню из определенного платежа; излишек же сбора, за уплатою казне оброка, поступал в Окружную Кассу и употреблялся на разные общественные нужды. Соседние с округом Ногайцы предоставляли желающим огромное количество своих земель за сравнительно ничтожную плату. Эти ресурсы долгое время вполне обеспечивали безземельность меннонитов, так что они, при помощи всякого рода ремесл и промыслов, не затруднялись в средствах к жизни. Вместе с тем безземельные не тяготились особенно и личным безучастием своим в делах общественного самоуправления. Но такое положение во всяком случае было ненормальное. В состав безземельного класса уже около 1840 года стали входить почти весь процент нарождавшегося населения. Возрастая в числе, безземельные в той же мере начинали затрудняться из года в год все заметнее в удобстве заработков и снискании средств к жизни. Затруднения эти в свою очередь отражались и на самых хозяевах, связанных с безземельными принципом общинным—круговою порукою.

В это время во главе Молочанского Округа, или, лучше сказать, всего Новороссийского меннонитского братства, стояла личность, в высшей степени замечательная по безкорыстной энергии, твердости характера, практически ясному уму и нравственной силе своей. Личность эта, посвятившая всю жизнь свою служению общественному благу, никто другой, как меннонит Иоанн Корнис, с которым читатель встречался уже в очерке о Радичеве, и под попечением которого Гуттерцы на новом месте водворения сделали такие быстрые успехи в своем хозяйственном устройстве. Значение Корниса обуславливалось не официальным званием его; он состоял лишь в должности председателя молочанской Комиссии Сельского хозяйства ¹⁾. Нравственное влияние Корниса выражалось даже на соседних ногайцах и русских крестьянах, из числа которых некоторая часть образовывала особые поселения под непосредственным его руководством. Среди же самых меннонитов слово этого лица читилось едва ли не выше закона, к тому же он пользовался и полным доверием со стороны главного местного начальства и высшего центрального управления. От такого ума не могли ускользнуть конечные результаты, на встречу которым

1) Такие Комиссии из колонистов существуют давно уже во всяком колонитском округе

-720-

шло меннонитское братство, достигшее около 1840 года апогея своего благосостояния. А сознать—значило для Корниса действовать. Замечательна крайняя осторожность, с которою он взялся за дело; и замечательны его приемы собственно как доказательство, что даже при огромном авторитете его, он не находил удобным прямо и откровенно приступить к делу, за которое впоследствии, понуждаемые крайностью, взялись несколько безвестных вожаков, во главе массы безземельных. Но Корнис лучше всякого другого знал свой народ. Хозяева, ослепленные

достигнутыми ими успехами, богатством и властью, вполне уверовали в полную непогрешимость их системы; вопросы же, занимавшие Корниса, клонились к устройству участи безземельных на более прочных основаниях и приводились прежде всего к необходимости некоторых пожертвований со стороны хозяев. Обращаться к последним с подобными предложениями значило, в то время, попусту тратить время, и, подняв бурю, кончить ничем. Подобный результат представлялся Корнису тем несомненнее, что само безземельное поселение, еще мало затрудненное в материальном своем быту, относилось слишком легкомысленно к заботам о своей будущности. К тому же Корнис не мог не знать, с каким упорством хозяева готовы отстаивать исключительные права свои по общественному управлению, и все вытекавшая для них отсюда выгоды. Он обратился, поэтому, не к сходам, а к ревизовавшему колонии в 1837 г., академику Кеппену, доказывая ему, во-первых, необходимость ограничиваться, при дальнейшем заселении запасных при округе земель, менее стеснительными условиями по первоначальному обзаведению хозяйства, и отводом на двор не более 35—40 дес.; а во-вторых — пользу и настоятельную нужду в образовании центра, где торговцы, ремесленники и промышленники из безземельных округов, скучиваясь, могли бы стянуть постепенно все соответствующие их потребностям интересы целого края, т. е. образовать нечто в роде города. Самый выгодный, для осуществления этой мысли, пункт составляла, по местным условиям, земледельческая колония Гальбштадт, в которой сходятся узлом все главные почтовые и торговые пути края ¹⁾. Академик Кеппен вполне убедился доводами Корниса. Затруднение заключалось только в том, каким образом согласить гальбштадтских

¹⁾ В «С.-Петербургских Ведомостях» за июль и август 1867 г. корреспондент (кажется, из Бердянска) указывает на возникшее на месте предположение устроить железную дорогу между Гальбштадтом и г. Бердянском. Следовательно Гальбштадт и по сие время сохранил то значение, какое приписывал ему Корнис.

-721-

земледельцев на уступку нужного, для нового поселения, количества земли. Но в этом случае авторитет Корниса помог делу. Благодаря его стараниям, сами гальбштадтцы представили Кеппену приговор, подписанный 16-ю хозяевами общества (всего там 21 хозяин) о том, что они согласны уступить из своих общественных земель 600 дес. под устройство торгово-ремесленной колонии, «если им такое же количество будет прирезано из смежных с их дачею пастбищных мест общественной овчарни», т. е. из запасных при округе земель. На этом основании, предполагалось водворит в новой колонии 200 ремесленно-промысловых семейств, наделяя каждое по три дес. под усадьбу и выгон. В тоже время, 23 таких семейств заявили Кеппену о готовности водвориться в новой колонии немедленно по отводе участка, если прирезано будет еще некоторое количество земли для выпаса чумацкого упряжного скота, так как с развитием торгово-промышленной деятельности нового поселения, ожидали усиленного наплыва сюда фуршиков.

Оба предположения были представлены Кеппеном в министерство по принадлежности; но здесь внимание обратил на себя только проект торгово-ремесленной колонии. 2 июля 1841 года, воспоследовало высочайшее повеление учредить вновь предположенную колонию согласно проекту и, для этой цели, вырезать 800 дес. из дачи колонии Гальбштадт, с возмещением этой отрезки такою же прирезкою из смежных запасных участков.

Тем временем гальбштадтские земледельцы пришли к иному заключению. Видя, что усадебное место для нового переселения предназначалось подле самой колонии их, и что Корнис настаивал сохранить за новой колонией наименование «Гальбштадт», они поняли, что эта последняя, будучи учреждена в 200 сем., разовьется так быстро, что неминуемо поглотит их собственную оседлость. Они уверились в этом окончательно, когда Корнис, вынужденный начальством, прямо высказал, что ремесленная колония в скором времени заставит гальбштадтских хозяев или слиться с нею, или переселиться на другое место. Ни то, ни другое не соответствовало желаниям последних; такая жертва, в пользу общего блага, казалась им свыше сил, хотя, конечно, они могли быть вполне уверены, что в случае той или другой крайности, им будет оказана всевозможная помощь. С этого времени, сделалось задачей гальбштадтского земледельческого общества — воспрепятствовать всеми силами осуществлению новой колонии. Оно начало с того, что воспользовалось своим влиянием на прочих

хозяев округа и, при помощи их, вводило в состав местного, руководившего делом устройства нового поселения, окружного приказа, непременно, хотя одного члена и своей среды. Съ этого времени постоянно можно встретить гальбштадтских хозяевъ, если не в должности окружного головы, то в звании окружного заседателя, членов сельско-хозяйственной комиссии и т. д. Гальбштадтское земледельческое общество успело, повидимому, склонить на свою сторону и главное местное начальство. Впрочем, и самый проект колонии был окончательно составлен темъ же местным начальствомъ, по предварительном соглашении с гальбштадтским земледельческим обществом, и ни в проекте, ни в распоряжениях о приведении его в исполнение не было ближайших и определенных указаний: в каком порядке производить отвод земель под новую колонию, возмещение земледельцев за отходящая от нихъ угодья и т. д. И вот, вместо того, чтобы, согласно основной системе колонизации, сразу вырезать в особую дачу все 800 дес., предназначенныя для новой колонии, а доходы с этих угодий обращать в пользу нового поселения, крайне нуждавшагося в таком подспорье, местное начальство распорядилось (1842 г.) отвести в безотчетное пользование гальбштадтскаго земледельческаго общества 800 дес. из запасных земель, а последнее обязано выделять под новую колонию землю лишь по мере явки поселенцев, по 3 десятины на каждую семью, на первый же раз отвести до 70 дес. возвышенной и негодной для хозяйственной обработки местности. Составленные окружным приказом, обще с сельско-хозяйственною комиссиею, правила образцоваго заселения новой колонии получили равным образом утверждение главного местного начальства; ими завершилась невозможность успеха колонии. Корнис уже состарелся; идти на перекор такой всеобщей, со стороны хозяев, неприязни — было, повидимому, выше сил его; он ограничивался уже одними материяльными пожертвованиями из собственныхъ средств, давшими возможность до 30 семьям устроиться в новой колонии согласно требованиямъ местных приказа и комиссии. Но Корнис сошел в могилу и дальнейшее развитие его создания совершенно приостановилось, подав лишь повод к непрерывным столкновениям между двумя смежными поселениями. Гальбштадтские земледельцы, извлекая значительныя выгоды из доставшихся им, взамен негодных 70 дес., 800 десятинь отличной земли, устроили там общественную овчарню, производили запашки и т. д., видимо богатея из года в год. Напротив, горсть несчастных соседей их билась как рыба об лед, добиваясь развития своего поселения до нормальных

размеров. Они не переставали требовать прежде всего уступки в их распоряжение всех предназначенных в пользу нового поселения 800 дес. Но напрасно, — противодействие хозяев неослабевало, а результат былъ тот, что само правительство распорядилось в 1866 г.: 1-е) Прекратить дальнейшую, на основании высочайшаго повеления 2 июля 1841 г., приписку ремесленников в состав гальбштадтскаго ремесленнаго общества и предоставить собственному усмотрению послѣдняго дальнейшій прием в свою среду, а равно и удаление по мирским приговорам за неисправимое порочное поведение членов своих, на одинаковом основании с другими сельскими обществами; 2-е) Состоящая в пользовании ремесленной колонии 12 дес. под общественными зданіями и 16 дес. сенокоса, с правомъ пользования водою из р. Молочной, а также на каждое приписанное к колонии семейство по 3 дес. усадебной, огородной и выгонной земли, оставить во всегдашнем пользовании сего общества на правах казеннаго надела, и, сверх того, прирезать ремесленной колонии еще до 100 дес.; и 3-е) Взамен отчуждаемых из надела гальбштадтских земледельцев угодий, прирезать им: а) за каждую десятину земли, состоящую собственно под постройками, огородами и сенокосами ремесленной колонии, по три дес.; и б) за остальные, отводимые ремесленной колонии выгонные угодья — десятину за десятину, из переданных земледельцам въ 1842 г. 800 дес. овчаренных земель, остаток же этих послѣдних обратить в пользование безземельных молочанскаго меннонитскаго округа.

Таким образом, и предположения Корниса не принесли безземельным ожидаемой пользы, благодаря, конечно, близоруким и небезупречным действиямъ хозяев. Но масса безземельных росла; запасные земли так, или иначе, отходили в наделъ, по прежнему, в размере 65 дес. на семейство. Наконец, совершенно неожиданное выселение в Турцію ногайскихъ татар, водворение на их землях в 1861 — 1863 гг., частью крестьян из внутреннихъ губерній, частью же болгаро-

славян из Турции и Молдавии, и — как прямое последствие этого переворота — неимоверное возрастание в Таврической губернии цен на наем земель, — все это привело к тому, что масса безземельных колонистов сразу потеряла возможность продолжать хлебопашество, на стороне, вдали от мест постоянного жительства. Если же кто и продолжал этот промысел, тот кончал разорением, тем более, что с указанными нами затруднениями совпали несколько лет к ряду неурожаи хлебов и трав.

-724-

Но затруднения молочанского меннонитского водворения касались не одних безземельных; они ложились более или менее тяжелым гнетом и на хозяев. По учетам за 1855—1865 гг., средний годичный чистый доход молочанского 65 - десятинного хозяйства исчислен в 55 р. 25 к., а у соседних колонистов—при 60 дес.—только в 8 р. 16% к. ¹⁾

¹⁾ Вот расчет, сделанный в 1865 г. по молочанскому колонистскому округу где хозяева наделены участками в 60 дес. В течение 1855/65 гг., каждое хозяйство, — по среднему выводу, — собирало в год: ржи 8% четв., пшеницы 43 четв., ячменя 32 3/8 четв., овса 13 3/8 четв., проса 3 1/2 меры, кукурузы 2 меры, бобов 1 1/2 м.; чечевицы 2 гарн., гороху 4 гарнца; льняного семени 5 мер; коноплей 1 1/2 гарн., и картофеля 14 1/2 четв. Из этого количества употреблено самим хозяйством, состоящим из 6 душ и одного постоянного работника: а) на продовольствие, ржи 6 5/8 четв., пшеницы 7 четв., картофеля 8 четв., проса 3 меры; кукурузы 1 6/8 мер.; бобов 1 1/8 м., чечевицы 1 1/2 гарн. и гороху 3 гарн.; б) на посев: ржи на 3 дес 1 1/2 четв, пшеницы на 15 дес. 7 1/2 чет., ячменя на 4 дес. 3 чет., овса на 1 дес. 1 чет., проса на 1 дес. 4 гарн., кукурузы 2 гарн., бобов 2 гарн.; чечевицы 1/2 гарн.; гороху 1, гар., льняного семени 4 гарн., на 1/2 дес. коноплей 4 четв. в) на прокорм скота: ячменя 29 3/8 четв., овса 12 3/8 четв., сена обыкновенно недостаточно; соломы 603 1/2 п. г) на продажу:

пшеницы . . .	28 1/2 ч. по 6 р.	— 171 р.
льняного сем. .	4 1/2 м. — 9 р. ч.	5 — 6 1/4 к.
картофеля . .	2 1/8 ч. — 2 — 4 —	50 —
соломы....	360 п. — 5 к. —	18 —
итого на . . .		198 р. 56 1/4 к.

При 60-дес. хозяйстве можно содержать 6 лошадей, 4 головы рогатого скота, 80 овец, и предположить дохода от продажи: излишнего скота 35 р., овец — 25 р., шерсти — 60 р., масла и сыров — 20 р.; плодов и овощей — 20 р., от извоза и заработков 10 р.; итого 170 р., а всего доход с хозяйства равняется 368 р. 56 1/4 к.

Счет обыкновенных расходов по такому хозяйству следующий: на платье 6 душам 115 р.; на ремонт хозяйственных строений, заборов и т. д 30 р., на исправление старых и покупку новых земледельческих орудий — 30 р., на домашнюю утварь и посуду — 10 р, на годового работника 80 р., на подеников во время сенокоса (4 челов. на 2 дня по 75 к.) 6 р. и на время жатвы (4 челов. 8 дней по 1 р. 20 к.) 38 р 40 к.; на казенные сборы и уплату казенного долга — 30 р., мирского сбора на содержание духовенства, учителя, врача, шульца, караульных, пастухов и т. д. 11 р. на содержание общественных зданий — 4 р., на приобретение племенного скота 2 р. пожарных страховых платежей 4 р. Всего 360 р. 40 к., за вычетом коих из 368 р. 56 1/4 к. остается чистого дохода 8 р. 16 1/4 к.

К сожалению, у нас неимеется подобного же расчета по меннонитскому округу; но еще более жаль, что оба расчета сделаны с предвзятой целью — доказать невыгодность дробления участков. Вследствие того, счетчик наш по молочанскому колонистскому округу продолжает: «Если же на участке в 60 дес. существует два хозяйства, то, при меньшем доходе, статьи расходныя возрастают. Каждый из половинных хозяев будет содержать по крайней мере по 4 лошади, по 4 головы рогатого скота; следовательно, им вместе нельзя иметь более 60 овец. Доход их будет от продажи: излишнего скота 25 р.; овец 20 р.; шерсти 45 р.; масла и сыров 15 р.;

-725-

К сожалению, выводы эти сделаны с предвзятою целью — доказать невыгодность дробления, хотя бы пополам, 65 и 60- десятинного двора; поэтому, они заслуживают только весьма

плодов и овощей 15 р., а как для двух семейств потребуется и двойное продовольствие, то в продажу может быть обращено не более: пшеницы 21 ½ четв. на 129 р.; льняного семени 4 ½ меры — 5 р.-6 ¼ к., и наконец доход от извоза и заработков 10 р.; всего доходу 264 р. 6 ¼ к. От остальных произрастений не может быть доходу, так как их едва ли достанет на продовольствие семьи и во многих случаях потребуется дополнительный съем земель для усиления хозяйственных средств. Расходы двух таких хозяйств следующие: одежда на 12 душ — 150 р.; ремонт хозяйственных зданий, заборов и т. д. — 30 р., ремонт хозяйственных орудий — 40 р., на домашнюю утварь и посуду 15 р., на жалованье работника 80 р.; на поденщиков во время сенокоса 6 р. и жатвы 38 р. 40 к.; на казенные сборы и уплату казенного долга 36 р., на мирской сбор 11 р., на общественные здания 4 р.; на покупку племенного скота 2 р.; страховых платежей 4 р., итого расходов 416 р. 40 к., т. е. дефицит против доходов на 152 р. 33 ¾ к.» Не имея намерения входить в критический разбор расчета, мы не можем однако не заметить, что здесь некоторые статьи дохода, как напр. с извоза и заработков, от излишнего скота, с масла, сыров и т. д. при 8 лошадях, 8 головах рогатого скота и 12 душах, не могут оставаться теми, какими эти статьи дохода приняты в предыдущем расчете при 6 лошадях, 4 гол. скота и 6 душах, а должны быть несравненно выше. Напротив, статьи расхода на наем работника и поденщиков, если не совершенно лишние при 12 душ., то во всяком случае крайне преувеличены. Наконец, здесь вовсе нет дохода с ремесла или промысла, что для двух семейств в 12 душ возможный прибыль. Но, повторяем, составителю расчета требовалось доказать невыгодность раздела 60-дес. хозяйства на два; — ну, и доказал. Очевидно, что в этом расчете безземельные не принимали участия. Если бы хозяйство с половинным наделом приносило убыток, то таковых не существовало бы ни у молочанских колонистов, ни у соседних меннонитов. Нет сомнения, что вопрос о дроблении двора без разорения хозяйства зависит сколько от экономического положения края вообще, столько же в частности — и от местных условий каждого общества и даже отдельного участка; но не менее несомненно и то, что сгущение населения, развитие новых промыслов и источников дохода и т. д., приводят во всякой данной местности к возможности и даже к полезности дробления первоначальных участков — на меньшие дворы, размер которых делается в свою очередь нормальным. Иначе, хортицкие меннониты, находящиеся по землевладению в более тесных условиях, нежели молочанские поселенцы, едва ли бы признали своевременным и возможным дробит у себя 65-дес. двор на три хозяйства: на одно с 32 ½ дес., и два — каждое с 16 ¼ дес.

Нам представился случай спросить по поводу этих расчетов мнение одного весьма почтенного, хорошо образованного и вполне знакомого с местными условиями молочанского меннонита. «Колонисты — ответил он — ратующие против передела земли, обыкновенно указывают, как на важнейшее, истекающее из передела, неудобство, на то, что в таком случае» «хозяйственные постройки» предадутся разорению, тогда как требуются «хозяйства образцовые». Но, во 1-х, молочане молочанские, которые не только не пользуются привилегиями, но, напротив, находятся на правах ссыльно-поселенцев, имеют несравненно более обширные и более изящные здания, нежели большинство меннонитов, хотя земля наделена молочанам и они пользуются ею подушно, на общинном праве; и, во 2-х, нельзя утверждать, что образцовое

-726-

условное доверие. Иначе, приведенные выводы доказывали бы, что образцовость колонистского хозяйства следует искать не в приходе-расходном балансе, а исключительно только в условиях наружной обстановки, в богатстве построек и т. п.

хозяйство делается образцовым лишь в силу больших и обширных построек; напротив, образцовым может быть справедливо назван только тот способ хозяйствования, помощью которого извлекается из земли наибольший доход при наименьшей затрате Средняя доходность хозяйств различная по каждой отдельной колонии, вследствие чего для каждой же колонии неодинакова и самая стоимость или ценность отдельного хозяйства. На Молочне вообще хорошее хозяйство стоит 6 — 7,000 р., в частности же в колонии, Гнаденфельде (молочанского меннонитского округа) не более 4 — 5,000 р., а в мариупольских меннонитских колониях только 3 — 3,500 р.

Урожай сам — 10 молочанцы называют посредственным. Такой урожай на 60- дес.

хозяйственном участке дает:

	Урожай	Цена -	Итого
ржи . 1 ½ четв. посева	15 четв.	4 р. —	60 р.
пшеницы 7 ½ — — —	75 —	6 — —	450 —
(в 1866—1867 гг. цена была 10—12 р)			
ячменя 3 . — — —	30 —	2—50 к.	75 —
овса ... — — —	13 —	2—50 —	32—50 к.
проса . . — — —	5 меръ	3 —	1 — 80 —
маис . . — — —	2 ½ —	4 — 80 —	1 — 50 —
бобовъ — — —	2 ½	—	1 — 50 —
чечевицы .	— — —	— — —	1 —
гороху . .	— — —	— — —	1 —
льняного семени 5 мер	цена за чет. 9 р.	—	5 — 60 —
конопляного — — —	2 — — —	8 р. —	2 —
картофеля — — —	40 четв.	— — —	2 р. — 80 —
соломы 600 пудов	— — —	— — —	5 к. п. 30 —
коноплей и льну	— — —	— — —	25 —

Всего запашка в 23 ½ дес., как обыкновенно бывает в 60-дес. колонистском хозяйстве, приносит при среднем урожае на..... 806 р. 90 к.

Принимается расход счетчика..... 360 — 40 —

Остается чистого дохода от одной запашки..... 446 р 50 к.

Более легкий способ хозяйничанья — это овцеводство и скотоводство. Поэтому хозяева, высоко ценя выгонные и сенокосные угодья, из 60 — 65 дес. берут подъ пашню не более 23 ½ д. «Разсчет мой—заклучил наш меннонит—по всей справедливости, может быть назван средним выводом; но из него видно, что хозяйственная запашка в южных колониях весьма выгодна. В видах общей пользы желательно иметь возможно больше земли под плугом, а эт от результат явится непосредственно за переделом земли, сохраняемой ныне хозяевами для своих овец и скотин».

-727-
VIII.

Хозяйственно-общественные затруднения меннонитовъ выразились прежде всего в религиозных движениях. Явление это не новое; уже не один раз оно повторялось в истории, особенно сельских состояний, легко обманывающихся относительно сущности причин гнетущаго их недуга. Наружным поводомъ к внутренним религиозным раздорам послужило у меннонитов то обстоятельство, что и до сего времени обрядная сторона их богослужения не установилась окончательно. В каждом приходе можно найти в этом отношении более или менее существенныя различия. Так напр., таинство св. причащения сопровождается во многих приходах обрядом омовения ног, предшествующим таинству, или следующим тотчасъ за совершением его; в других приходах омовение ног вовсе не исполняется. Подобныя разноречия не подавали повода к раздорам в то время, когда, масса населения была довольна своимъ- экономическим бытом. Но, по мере ухудшения послѣдняго и накопления разных в отношении его затруднений, росло число недовольных. Не находя поддержки хозяев по вопросам экономическим, недозольные бросились в другую сторону и стали агитировать в области церкви. Эго обстоятельство навело хозяев на мысль укрепить за собою такую же духовную власть, какую, в силу закона, они имели в гражданском быту. Достижение этой цели казалось нетрудным, так как духовные старшины и проповедники меннонитов принадлежат равным образом к разряду хозяев. Задача заключалась в томъ, чтобы создать для дел веры и церковнаго благочиния такую же центральную власть, какою является окружный приказ в сфере административно-полицейской и судебной. В этомъ смысле съезд духовных старшин молочанских меннонитов, большинством голосов, постановилъ 7 апреля 1851 года — впредь именовать себя «церковным конвентом», с тем, чтобы все возникающіе по округу спорные вопросы в делахъ церкви и церковнаго благочиния представлялись ему на окончательное рассмотрение и разрешение. Хотя приговор этот состоялся по инициативе и с согласия окружнаго приказа и былъ доведен до сведения главнаго местнаго попечительства, которое и с своей стороны признало совершившійся факт, но тем не менее ни приказ и сам конвент не решились опубликовать его в братстве и предложить его к всеобщему руководству:

центральной церковной власти. Таким образом, *сoup d'état* этот, по всей вероятности, остался бы втуне, если-бы религиозно - нравственное положение братства не обнаруживало изо дня в день постоянно усиливавшиеся признаки разложения.

Особенно замечательна характеристика состояния, за это время, братства, которую находим в поданном в 1863 г. церковному конвенту заявлении меннонитов — братьев Ланге с товарищами, о выделении их в особый приход. «При таком сомнительном положении — говорят они — в каком находится, в настоящее время, наша меннонитская колонизация, мы обязаны не только строго анализировать самих себя, но и высказать наши убеждения пред конвентом. Благость и долготерпение Божьи даровали народам во все времена периоды спокойствия и милосердия, осыпая их избытком вещественных богатств, с целью подвинуть к покаянию (Посл. к Римл, гл. 2 ст. 4). Точно также Он даровал и нашему братству в колониях — в течении последних 50 лет — благосостояние и мир, в надежде сделать из нас истинный народ Божий, народ святой, обитель Святаго Духа. На обязанности старшин и учителей лежало, созвав эту благодать, прилагать все силы к тому, чтобы старого вести по истинному пути, а молодежь воспитывать правильно, вселяя в сердца страх Божий, познание Его святой воли, и таким образом в новых поколениях возсоздать храм Всевышняго. От старшин и их совета вполне зависело подвинуть все наше братство к достижению этой благой цели, так как иъ поддерживали в этом не только Слово Божие, которое само по себе уже в состоянии покорить мир и его суетность, но также общины и начальство, почитавшие и любившие в них руководителей и отцовъ народа. Какое общество и кто из его отдельных членовъ могъ-бы в это время противостоять всесильному влиянию старшин и совета?»

«И слово Божие и императорская воля вменяли старшинам в обязанность пещись о том, чтобы в общинах были найдены и воспитываемы верные пастыри и добросовестные старшины, и чтобы нравственный уровень целого братства поднимался выше и выше. Но, вместо того, чтобы сознать эту святую обязанность и в сознании работать безустанно день и ночь, наши старшины и учителя ограничивались еженедельным прочтением проповеди, а во всеъ остальномъони предоставляли каждого самому себе и его собственной заботе о суетных благах. Они именовались и допускали титуловать себя «духовными и достопочтенными», но в тоже время они ничем не отличались

от общей среды ни в своих стремлениях к суетным богатствам, ни по невежеству и совершенному равнодушию в делахъ веры; да, нередко они были хуже других. В то время, как совершенная неспособность наших проповедников вошла уже почти во всеобщее сознание; в то время, как само собою уже ясно, что проповедники, лишенные наития Святаго Духа и серьезнаго образования, вообще совершенно бесполезны, *наши* проповедники не только не сознають собственной несостоятельности, но находят и совершенно излишним всякое стремление, имеющее целью изменить к лучшему такие грустные порядки. Дошло, наконец, до того, что большинство, именующих себя «священством Божьим», неспособны даже произнести молитву и сказать свое собственное толковое слово, не прибегая к печатным молитвенникам и проповедям, или, по словамъ апостола (1 посл. к Тимоф. гл. 1 ст. 7): «Желая быть законоучителями, они не разумеют ни того, о чем говорить, ни того, что утверждают». Юношество допускается к крещению и св. причастию без предварительнаго, достаточнаго поучения, ради формальности и обычая; оно остается в полнейшем невежестве даже относительно существеннейших истин сего и будущаго мира. В довершение всего, к совершенной бездеятельности наших церковных старшин присоединилось еще властолюбие. Особымъ актом они, без согласия и полномочия общин, заявили себя пред начальством в качестве высшаго духовнаго учреждения, с властью руководить, управлять и судить целое братство. До этого времени к ведению совета старшин, конечно, относились совещания об общих нуждахъ, но постановления его приводились в исполнение отнюдь не иначе, как с предварительнаго согласия самих общинъ. Ни один старшина, в качестве полномочнаго представителя своей паствы, не имел, однако, права дать свое согласие или подпись на меру, которая не была одобрена предварительно самим приходским обществом. Напротив, после переименования себя въ «церковный конвент» совет. старшин занял положение

независимой от общин высшей власти и, в силу этого, дозволил себе даже произвольно исключать из меннонитского братства таких людей, на удаление которых из своей среды гражданское их общество вовсе не соглашалось, вопреки обращенным к нему требованиям конвента,» и т. д. и т. д.

К упоминаемым здесь личностям, подвергавшимся преследованиям конвента, принадлежат, прежде всего, последователи секты Hühfher'ов ¹⁾ (скакунов), которые, побуждаемые

¹⁾ Секте дано это название потому, что последователи ея, по примеру царя Давида,

-730-

изложенными пред сим обстоятельствами, выделились первые из среды старых приходов. Стремясь к возможному стеснению Hühfher'ов и нуждаясь для этого в опоре, некоторые из более решительных духовных старшин стали ссылаться

допускают в своих собраниях музыку, и особым родомъ пляски или скачков выражают свою радость и блаженство «в благодати Духа.» Официальные источники, которыми мы пользовались, не дают положительных указаний о догматических различиях, существующих между Hühfher'ами и прочими меннонитами. Обе партии, как увидимъ ниже, именуют себя истинными последователями Менно, но— кроме общих, бездоказательных фраз, ни та, ни другая в подтверждение своей правоты не представила доказательств. Поэтому, желая разяснить это обстоятельство, мы обращались к одному молочанскому меннопиту, ответ которого, по нашему мнению, заслуживает доверие.

«До настоящего времени — пишет он нам, в феврале нынешняго года,— никто из Hühfher'ов еще не пытался привести догматическое учение секты в систему, изложив ее письменно. Молитвенные собрания их заняты, по преимуществу, наставительными беседами, темою которых служат разные тексты св. писания, и пением гимнов, возбуждающих религиозное настроение. Таким образом, для стороннего наблюдателя довольно не легко составить себе вполне отчетливое понятие о сущности догматов секты. Вернее всего то, что почти никакой существенной догматической розни между последнею и большинством меннонитов не существует, за исключением разве догмата искупления человеческого рода, который, как фокусъ и трехугольный камень учения Hühfher'ов, понимают они в том смысле, что примирение человека с Богомъ, как совершившийся факт, имеет место, не требуя со стороны человека ни нравственного возрождения, ни особенной благодати, освящающей все его помышления и поступки». Hühfher'ы все положения своего учения подкрепляют текстами старого и нового заветов, а также толкованием их в сочинении Менно: «Fundamentallehre des christlichen Glaubens». В этом отношении трудно обличить Hühfher'ов в отступлениях от меннонитского толка; искреннее увлечение, обнаруживаемое ими на словах и на деле в преданности своему учению, не раз уже приводило сторонних очевидцев къ замечанию: «не Hühfher'ы. а остальные меннониты изменили своему праучителю» Тем не менее заметное различие между обеими партиями все же существует, но пока еще только в обрядах, что впрочемъ само собою указывает какъ-бы на не вполне еще выяснившуюся рознь в догматических воззрениях. Дело в томъ, что новороссийское меннонитское братство, со времени поселения своего в России, действительно допустило некоторые отступления от основного учения Менно. Так, духовные старшины братства, стремясь к усилению своего влияния, вопреки Менно стали доказывать преемственную святость своего сана, перешедшую будто-бы к ним, путем рукоположения, непосредственно от апостолов. Однако противъ этой тенденции возстали не одни Hühfher'ы, но и многие из остальных меннонитов. Другой спорный пункт—это обрядъ крещения. Hühfher'ы совершают крещение не иначе, как на открытом воздухе, погружением крещаемого в реке и вообще текучей воде; прочие же меннониты давно уже ограничиваются поливанием водою головы окрещаемого в молитвенномъ доме. Подобных обрядовыхъ различий можно-бы привести еще несколько, но все они не существенны и едва-ли заслуживаютъ внимания. Важно однако по своим последствиям обстоятельство, что меннонитские старшины, отвергая правильность совершаемых Hühfher'ами браков, обряд которых ограничивается благословением молодой четы родителями жениха или невесты, вносят детей от такихъ браков в число незаконнорожденных, что неминуемо поведет впоследствии к спорам и тяжбам по наследственным делам.

-731-

на авторитет приговора 1851 г., и таким образом обнаружили существование этого акта. Большинство меннонитского братства было не мало смущено неожиданным подчинением его церковному конвенту; но в это время антагонизм между хозяевами и безземельными переходит уже в открытую вражду. Одни, и в числе их даже один или двое из старшин, находили церковный

конвент учреждением, несогласным с духом и сущностью учения Менно Симонса; но, подчиняясь большинству, люди эти молчали. Другие, не разсуждая, признали совершившийся факт, в надежде, что при помощи конвента возстановится прежняя тишина в округе. Но не смолчали и не покорились те, против которых собственно была направлена централизация церковной власти. В руках этой части населения, акт 7 апреля 1851 г. сделался только новым и притом весьма действительным орудием для усиленной агитации. С этого времени гюпферы получили возможность выставлять себя ратующими за свободу совести меннонитов, стесняемую «самозванною, незаконною консисториею». При таких условиях, пропаганда более прежнего находила себе последователей даже в среде хозяев, когда же церковные старшины, поддерживаемые выборным начальством, стали выступать против скакунов все решительнее, то последние открыто бросили перчатку конвенту. Соединившись, по приговору 6 января 1866 г., в особую приходскую общину, Nüphfer`ы сообщили о том конвенту и окружному приказу. В силу этого акта, 50 семейств разных колоний выделились окончательно из состава существующих меннонитских приходов; власть конвента они признали незаконною и, под руководством собственных старшины и проповедников, заявляли своею целью — отстаивать истинное учение Менно Симонса, во всей строгости и простоте его. Конвент, въ постановлении 18 января того же 1860 г., ответил отлучением членовъ новой общины от церкви. Соответственно сему, со стороны приказов, начались полицейскія преследования: штрафы, аресты, наказания общественною работою. Но тщетно; все эти меры не оказали желаемого действия и привели только к тому, что Nüphfer`ы впадали более и более в фанатизм, а главные вожаки их, скрываясь от преследований в других колонияхъ, вносили пропаганду и туда, даже в приволжское водворение. Наконец, отлучение членовъ новаго

-732-

прихода от церкви привело их вскоре в крайне стесненное положение, как по хозяйству, так и в общественномъ быту.

Нехотя, скрепя сердце, Nüphfer`ы обратились за защитою к правительству. Мы говорим нехотя — потому, что меннониты, как все сектаторы, всячески стараются обойтись без административнаго вмешательства, особенно по вопросамъ веры. Не утруждать правительства жалобами и дразгмами — было до того времени одним из руководствующих правил меннонитскаго братства, и нарушение этого правила, особенно частое со стороны безземельных, служило приказам даже официальным мотивом для присуждения взысканий и штрафов, на том основании, что подобныя жалобы, роняя «вековую, унаследованную от отцовъ славу мирных, примерных граждан», вредятъ доброму имени и интересамъ всего братства.

Почти всякая частная жалоба со стороны безземельных меннонитов начинается оговорками: «к крайнему прискорбию, к стыду братства» и т. п. Уполномоченный же Nüphfer`ов, явившись в Петербург, даже более года хлопотал об отводе земли на Кавказе, прежде чем высказал откровенно истинное положение дель на месте. Только крайность — отказ в высылке паспорта — вынудила его, наконец, поведат начальству суть распри.

IX.

Рядом с религиозной неурядицей, шёл, тем временем, crescendo раздор и в сфере общественно-экономической. В течение 50-х годов, казна - воспользовалась не малым доходом от множества просьб, отправлявшихся со стороны колониетских обществ южнаго края в Петербург, с ходатайством об отводе им новых земель. Еще многочисленнее стали эти ходатайства, когда, по выходе татар и ногайцев в Турцию, сделались свободными огромныя территории в Таврической губернии и Кубанской области.

Но взгляд правительства на дело колонизации совершенно изменился. Привилегии, которыми пользуются колонисты, оказываются более и более неудобными, особенно в виду происходящаго слияния сельских состояний, открытия земских учреждений и т. д. Давать колонистамъ дополнительно земли в прежнемъ порядке — значило бы содействовать распространению их в качестве привилегированнаго состоянія. К тому же поселенцы

-733-

южнаго края, заявлявшие так настоятельно о нуждах своих, на первый взгляд вовсе не терпят особеннаго стеснения по землевладению. По крайней мере, в общей сложности, они почти

повсюду владеют большим наделом, нежели их соседи из русских крестьян. В виду сего, все ходатайства колонистов были отклоняемы. Правительство указывало им, чтобы они довольствовались теми угодьями, которые им даны. Общества замолчали, но заговорили безземельные поселенцы, для которых собственно общества и испрашивали дополнительные наделы. Получив равным образом отказ, безземельное население обратилось уже прямо к своим обществам, т. е. к хозяевам, требуя от них помощи. Вместо сочувствия, оно на первых порах встретило здесь или холодное равнодушие, или даже явную неприязнь. Но безземельные не отступали, и вот снова начались штрафы, аресты, общественные, в виде наказания, работы и т. д. Взаимная неприязнь между хозяевами и безземельными привела местами к явному разрыву в сфере общественно-экономической. Кризис этот выразился во всех колониях южного края, но нигде не сопровождался он таким ожесточением партий, как, именно, у молочанских меннонитов. Замена татарского населения Таврической губернии переселенцами - земледельцами, неуступавшими за безценок своих угодий, произвела здесь слишком неожиданный и резкий перевернуть в хозяйственных условиях целого края. К тому же с экономическим кризисом шло рука об руку движение религиозное; даже смиренные гуттерцы вздумали-было возвратиться к коммунальному устройству своих праотцев. В руках хозяев — богатство, власть; на стороне их противников — масса, нужда и юридическое право. Не будучи в состоянии ни одолеть хозяев путем легальным, ни склонить их на добровольные уступки в общественно-экономическом быту и на терпимость в церковном отношении, безземельные, как прежде и гюпферы, обратились к правительству. Они стали ходатайствовать во-1-х, о допущении их в состав сельских сходов на общем с хозяевами основании; и во-2-х, о понуждении обществ к устройству их участи, или приобретением для них земель на счет общественных средств, или же при помощи уравнительного передела угодий общественного земельного владения, как собственности не лично кого-либо, а целого общества.

Из множества прошений, отправленных со стороны безземельных в Петербург, приводим для примера выписки лишь

-734-

из одного ¹⁾. Этими выписками достаточно уяснится для читателя содержание всех остальных подобных бумаг.

Там говорится, между прочим: «Безземельный, хоть бы он был отцом 8 — 10 душ, не имеет в своем пользовании ни клочка земли, где бы он могь взрости, для пропитания семьи, меры картофеля или хлеба; хозяева не уступают нисколько земли даже за арендную плату, а если где и случится снять, то за $\frac{1}{4}$ дес. залежей берут 3 — 4 руб. Безземельному дозволяется иметь на общественном выгоне не более двух голов скота, и то не иначе, как с уплатою по 1 р. с головы за подножный корм и определенной части содержания для пастуха — хлебом и деньгами. Безземельные обязаны, наравне с хозяевами, делать дешевую ссыпку хлеба в общественный магазин, хотя у них нет ни клочка пашни. В тоже время они, как не полноправные члены общества, устранены от участия в сельском сходе и в выборе должностных лиц. Сборы казенные и общественные взыскиваются по уравнительной раскладке на число душ и случается, что безземельный отец большого семейства — обязан большею уплатою, нежели малосемейный хозяин. Правда, безземельному предоставляется свобода участвовать ежегодно в торгах на отдачу под пашню некоторой части, так называемой негодной общественной земли (Shaadrud); но и здесь конкуренция хозяев доводит цену за десятину до 10 — 15 р. годичной платы. А как сборы уплачиваются уравнительно по числу душ, то мы просим распорядиться и уравнительным на число душ переделом всех общественных земельных угодий. Случаи, что младший сын не может управлять хозяйством по несовершеннолетию, встречаются слишком часто, и необходимость вынуждает продавать такие хозяйства в чужие руки за 3 — 4 тысячи руб. Таким образом, родные дети умершаго владельца навсегда устраняются от родного отцовского очага и вступают в состав безземельного класса.

«Безземельные обращались в окружной приказ с просьбою войти в их стесненное положение и довести о том до сведения высшего начальства. Но приказ далек от исполнения почтительного их желания. Напротив, он облек в форму общественных приговоров превратную и несоответствующую нуждам безземельных предположение свое: раздать остатки запасных земель, до 4000 дес., в надел по 60 дес. на семейство.

-735-

Раздача эта составляла бы незаслуженное преимущество, даваемое малому числу семейств, в ущерб всех остальных. Но это делается в угоду хозяевам, с которыми приказ только и советуется, признавая исключительно за ними право представительства за все наше общество. Около 70 сем. сделаются счастливыми, а остальные лишатся даже той выгоды, какую они находили до сего времени в возможности брать малыя, из запасных земель, пай в свое пользование из оброка», и так далее.

Сверх подобных же жалоб, по молочанскому меннонитскому округу безземельные обнаружили там еще другие обстоятельства, указывающие на характер той системы управления, которой держались хозяева, в ущерб интересов безземельного населения. Не говоря уже о том, что запасные земли, заселяясь не иначе, как образцовыми 65-дес. хозяйствами, отходили в надел сыновей и ближайших родственников одних зажиточных хозяев, некоторые отдельные личности из числа последних сумели забрать в свое личное пользование более или менее значительные участки тех же запасных земель. Хотя эти лица не всегда удовлетворяли или даже вовсе не исполняли условий, на которых поступили такие участки в их пользование, но, тем не менее, ни сходы из хозяев, ни выборное начальство из тех же хозяев не находили, повидимому, ничего несправедливого в подобном захвате поземельной собственности, данной на «прибыльное население», т. е. в пользу безземельных. Так, например, в 1820-х годах, меннонит Яков Реймер устроил на запасных землях водяную мельницу с жилыми и усадебными строениями и завел возле мельницы фруктовый сад, под который, с разрешения бывшего главного попечителя, занял безвозмездно 4 десятины. Впоследствии, взяв в арендное содержание еще несколько десятин, Реймер развел на них лесные школы и плантации. В 1843 году, заведение Реймера представляло, по выражению местного начальства, «прекраснейший оазис среди степей», названный фольварком Фельзенталь. «Оазис» этот приносил значительную пользу самому хозяину и окружающей местности, но и безземельным, батрачившим на того же Реймера. Наконец возникло даже ходатайство об оставлении за последним фольварка, если не на правах собственности, то на правах надела. Ходатайство это одинаково подкрепляли и выборные, и главные местные начальства, полагавшие окончательно прирезать к фольварку 260 десятин. Но правительство в том же 1843 году распорядилось: «Землю, на которой сделаны заведения и учреждены

-736-

плантации, оставить Реймеру, а прочую землю отдавать по оброку до того времени, пока она не понадобится обществу». В настоящее время, вследствие жалоб безземельных, местное дознание обнаружило, что при фольварке Фельзентале состояло: до 57 десятин, утвержденных за Реймером взамен надела в колониях, и 120 ½ дес. из оброка по 4 ½ к. за дес., да сверх того 136 ½ дес. степи, за которые Реймер вносил в окружную кассу оброк от 30 до 43 ½ к. за десятину. Поэтому, в 1861 году, последовало разрешение: 1) 177 десятин, занятые заведениями, садом, лесными школами и плантацией, признан неотъемлемою принадлежностью фольварка и, оставив их на прежних условиях во владении наследников умершего тем временем Реймера, вменить молочанскому окружному приказу в обязанность надблюдности, чтобы фольварк, не раздробляясь по наследованию и т. д., содействовал и впредь развитию садоводства и лесоразведения в крае, и 2) остальные 136 ½ десятины, как не занятые плантациями, передать в пользование безземельных.

Вот еще пример. В 1824 году, меннонит Классен исходатайствовал себе в исключительное пользование 3,000 дес. из тех же запасных при округе земель, обязываясь устроить на них суконную фабрику и тонкорунное овцеводство. Правительство согласилось, но с тем неперменным условием, чтобы земля эта была отведена собственно «из пространств, негодных для хлебопашества» и чтобы фабрика пользовалась ею «под выпас меринов лишь до тех пор, пока она будет действовать». Фабрика была действительно устроена, но или вовсе не действовала, или действие ее оказывалось совершенно ничтожным. Невольно рождается мысль, не служило ли заведение это лишь благовидным предлогом для захвата 3,000 дес., тем более, что главный доход из участка владелец извлекал не при посредстве фабрики и овцеводства, а отдачею земли, вопреки

условию, под распашку безземельным. В 1866 году правительство прекратило и это зло, дав означенным землям употребление согласно их прямому назначению. Но замечательно, что дело это обнаружилось только спустя 40 лет и то не по инициативе хозяев или выборного их начальства, на прямой обязанности которого лежал надзор за точным исполнением Классеном своих обязательств.

Равным образом из запасных земель состояли еще 3,595 десятин при даче Юшанле и 3,257 дес. при даче Штейнбахе в безпереоброчном пользовании двух отдельных меннонитов, владельцев этих дач.

-737-

Безземельные обвиняли меннонитских хозяев еще в следующих стеснениях. Пользуясь самовольно, т. е. бесплатно, подножным кормом на пролегающих чрез округ солевых трактах двух-верстной ширины, хозяева берут с безземельных за выпас от 50 к. до 1 рубля с головы скота, которого притом допускают на выгон не более 2—3 штук на семью. Они сберегают этим путем выгонные угодья своего надела, а траву на последних продают на скос тем же безземельным. Кроме того в общественное владение округа, сверх надела по 65 десятин на семейство, отведено до 7,950 дес. так называемой неудобной земли. Этими угодьями, из которых наберется действительно неудобных не более 2,500 дес., равным образом пользовались исключительно одни хозяева, даже вопреки положительному закону ¹⁾. Наконец все доходы, извлекаемые по преимуществу из запасных земель, составляющих принадлежность безземельных, а не хозяев, обращались последними на такие общественные нужды, которые надлежало бы удовлетворять из сумм мирского сбора по внутренней раскладке, т. е. главнейше из собственных средств хозяев.

Совокупность всех этих обстоятельств возбуждала постоянно всеобщее среди безземельного класса неудовольствие, которое не могло, конечно, не подействовать и на меннонитских хозяев. Казалось бы, что жалобы безземельных должны были привести хозяев прежде всего к устранению тех несправедливостей, которые попускались в ущерб интересов безземельных по раздаче запасных земель. Но на деле вышло иначе. Сознывая, что исключительная власть их приближается к концу, хозяева попытались только извлечь из своего положения возможную выгоду. В этих видах, они предположили окончательно раздать в надел безземельным весь остаток запасных угодий, в размере 32 ½ дес. на семью, рассчитывая, конечно, наделить этой землею своих ближних родичей.

Правительство обратило тем временем самое серьезное внимание на вопрос об устройстве безземельного населения южных колоний. Собранные по этому предмету в 1862 и 1863 гг. подробные сведения привели его к убеждению, что здесь настоятельно необходимы неотложные и коренные мероприятия. Правительство поставило себе задачею, направить настоящее дело таким образом, чтобы не насилуя и не нарушая существующих в колониях поземельных отношений, достигнуть разрешения вопроса, без новых со стороны казны пожертвований

¹⁾ Ст. 156 уст. о кол., ч. 2, т. XII св. зак., изд. 1857 года.

-738-

в пользу колонистов; дополнительный же земельный отвод от казны допускать только в виде исключительной, крайней меры там, где сами общества будут положительно лишены всякой возможности иначе пристроить избыток своего населения. Исходя из этих основных соображений, правительству оставалось содействовать обществам мерами законодательными и административными к устройству их быта на основаниях, соответствующих современным их потребностям.

Прежде всего представилось необходимым приступить к пересмотру законов о наследовании колонистов в землях и имуществе (ст. 169 — 179 уст. о кол.). Главная цель этой работы та, чтобы уничтожить несоответствующее обычаям поселенцев миноратство в наследовании хозяйством с земельным участком, и допустить дробимость двора путем наследования, разделов и т. д., в той мере, в какой измельчение двора опыт признал соответственным местным хозяйственным условиям. Вообще же предстоит согласовать, по возможности, эти законоположения с обычным правом поселенцев. Проект предположенных изменений был сообщен на предварительное обсуждение и заключение главных местных начальств колоний—выборного их начальства и самих

обществ. Население повсюду встретило проект с полным сочувствием, как меру, необходимость которой давно уже сознавалась на местах. В настоящее же время вопрос этот рассматривается, сколько нам известно, путем законодательным.

Далее, настояла надобность достигнуть более правомерного состава сельских сходов. Настоящий вопрос, сколько знаем, получил в скором времени окончательное разрешение в законодательном же порядке, а между тем, в силу особого высочайшего повеления 14 февраля 1866 г., допущены в состав сходов все владельцы двора независимо от того, имеют-ли они полевой надел или нет. На этом основании по Молочанскому меннонитскому округу к 1,612 хозяевам разом присоединились на сходах еще 1,493 малоусадебных владельцев (Anwohner'ов).

В 1864 г. разрешено: тем из меннонитов и колонистов южного края России, кои пожелают, на основании общих правил ¹⁾, водвориться в областях Амурской и Приморской, и на увольнение коих из колонистского звания подлежащая обществу, в особо составленных мирских приговорах, изъяснят

¹⁾ Высоч. утв. в марте 1861 г. правила о поселении в Восточной Сибири русских и иностранцев.

-739-

согласие, с принятием на себя до новой народной переписи всех подлежащих с таких лиц податей и повинностей, выдавать подлежащая для проезда в Восточную Сибирь виды, но не иначе, как обязав предварительно таких переселенцев подписками в том, что, с оставлением колоний, они за себя и за своих потомков навсегда отказываются от присвоенных им по нынешнему званию привилегий, и потому, в случае невыезда в Сибирь, обязаны будут избрать род жизни на общем для податных состояний основании ¹⁾.

В январе 1865 г. утверждены и переданы местному начальству особые правила о выдаче колонистским обществам и товариществам, а также отдельным поселенцам южного края России, долгосрочных 6% ссуд из принадлежащего водворению их общественного капитала («капитал винного откупа» до 230 тыс. руб.), в видах содействия к приобретению и упрочению ими за собою земель в Новороссийском крае и Бессарабской области.

В августе 1866 г. сделано распоряжение, чтобы при происходящей проверке земельного владения южных колоний принято было за правило не изменять границ первоначального надела; и если обнаружится в составе данной колонистской дачи излишек земли против нормального надела., то, не отбирая сего излишка, обязывать общества безмездно отводить из него более состоятельным из безземельных семейств усадебные места, в размере до одной дес. на каждое.

Независимо от выше приведенных мероприятий, еще в июне 1864 г. последовало распоряжение; обратить под водворение безземельных колонистов все имеющиеся при Молочанском меннонитском округе запасные и овчаренные земли, наделяя каждую семью, согласно заключению местных главного и выборного начальств и общества хозяев, по 32 ½ дес., с тем, чтобы общества вновь имеющих образоваться поселенческих колоний не были стеснены в избрании ими того или другого способа внутреннего между отдельными членами распределения угодий; и б) объявить всем колонистским обществам, что могут быть отведены под поселение, желающих из колонистов свободные казенные участки, но не иначе, как на основании действующих для крестьян общих правил и на тех условиях, в зависимость от которых поставлен выпуск колонистов из общества для водворения в Восточной Сибири.

¹⁾ Высоч. утв. 21 июля 1864 г. положение бывшего сибирского комитета.

-740-

Общий смысл всех этих мер и распоряжений не мог не убедить колонистов, что прошло время, когда им щедрою рукою раздавались и земли, и льготы, и различного рода преимущества и что им следует искать разумного сближения с общим государственным строем, рассчитывая только на свои собственные материальные средства и ожидая от правительства полной готовности содействовать им лишь в разумном обращении этих средств на общую и частную пользу поселенцев. Такая постановка вопроса возлагает заботу об устройстве безземельного населения прежде всего на средства самих обществ и, думаем, что мера эта вполне справедлива. Известная уже читателю ст. 159 уст. о кол. обеспечивает за всеми членами колонистского общества полную

равноправность по землевладению. Если же, в силу лично-общинной системы, часть населения не может осуществить свое право на непосредственное пользование общественными угодьями, то, тем не менее, право это остается за безземельным населением колонии в принципе. Отсюда истекает прямая обязанность для хозяев, преимущественно владеющих общественным наделом,— изыскивать необходимые способы и средства для вознаграждения безземельных за неосуществимое право их на равномерное участие в пользовании общественным наделом. В этом случае, как сказано, существуют только два способа: или устроить безземельных на стороне, или произвести уравнительный передел угодий общественного владения. Но последний исход желателен и удобен только весьма условно и притом в строго ограниченном размере.

С своей стороны, безземельные Молочанского меннонитского округа не удовлетворились распоряжением о заселении запасных земель особыми колониями. По настояниям их, состоялось подробное на месте дознание об истинном положении дела, чрез особо командированного из Петербурга чиновника. Здесь, молочанские хозяева, будучи поставлены лицом к лицу с представителями безземельных, положительно обнаружили, как трудно личные, своекорыстные интересы подчиняются насущным, безусловно справедливым требованиям общего благосостояния. Здесь, хозяева забыли на некоторое время братские отношения и связи свои с безземельными, нужды которых при других случаях выдвигаются ими всегда на первый план; здесь снова подтвердилось, что слово еще не дело, что можно трактовать без конца о любви к ближнему, но в тоже время стремиться к лишению его даже тех прав и выгод, которые хотя и основаны

-741-

на положительном законе, но стесняют до известной степени наши ближайшия личные выгоды.

Представители Anwohner'ов и безземельных, убеждаясь в недостаточности запасных при округе земель (15 т. дес.) для уравнительного надела всех верителей своих, признавали необходимым ограничиться, на первый раз, наделением только Anwohner'ов; на том основании, что Anwohner'ы, ведя полуземледельческое, полупромысловое или ремесленное хозяйство, постоянно арендовывали те самые запасные земли, об отводе которых в надел шла речь. Отдачею этих земель в надел по 32% дес. на семейство устроилась бы судьба не более 470 безземельных или Anwohner'ских семейств, а большинство остальных сразу лишились бы всякой возможности удержать за собою свои усадьбы в колониях. Отыскивая арендные земли, по необходимости, вдали от мест жительства, им пришлось бы бросить свои дома в колониях за безценок и окончательно разориться. Напротив, передачу этих земель в общее из мест водворения пользование всем Anwohner'амъ (что составляло до 12 дес. на семью) представители безземельных признали достаточным обеспечением для того, чтобы рядою с каким-либо ремеслом или промыслом, добывать нужная для семейства потребности и содержать необходимый для такого хозяйства скот. В подтверждение этих предположений представители безземельных приводили, что за усадебное место в ½ дес., еще не застроенное, Anwohner уплатил средним числом около 100 руб. хозяину, отделившему такое место из своей 1 ½ десятинной усадьбы. Как владелец малаго двора, Anwohner, обязан вносить, по внутренней раскладке, поземельную ренту от одного до трех руб. ежегодно: или в пользу участкаго хозяина, или в мирскую кассу. Сверх того, на семейство Anwohner'а, состоящее из трех рабочих ¹⁾ и двух малолетних душ, падает податей и других повинностей без малаго такая же сумма, какую уплачивает половинный хозяин при 32 ½ дес. надела, а именно: от 12 до 14 руб. в год. Представители безземельных предлагали: а) внутреннюю раскладку податей и повинностей установить не на число душ, а на землю, так как, по их убеждению, за все сборы должна ответственать прежде всего земля; б) допустить Anwohner'ов и вообще безземельных к непосредственному участию в сходах, выборах на общественную службу, раскладке податей,

¹⁾ Напоминаем, что здесь рабочая душа означает лиц обоего пола от 14 до 60 лет.

-742-

сборов и повинностей и т. д.; и в) для устройства участи тех безземельных, которые не получают надела из запасных земель, установить постоянный подесятинный сбор на приобретение земель вне округа.

Выборное начальство и представители хозяев, с своей стороны, признавали эти предположения безземельных не только неудобноисполнимыми, но даже и вредными для интересов всего окружного общества. По объяснению их, значительная часть Anwohner'ских усадеб составляет собственность хозяев; следовательно, заключали представители последних, приурочивая распределение запасной земли к усадьбам — согласно проекту безземельных, надлежало бы наделить ею и хозяев. Между безземельными есть не мало значительных купцов, из числа которых некоторые владеют даже более одной Anwohner'ской усадьбою; согласно проекту безземельных, не малое количество земли должно было бы выпасть на долю этих, по мнению представителей хозяев, без того достаточно обеспеченных семейств. Есть немалое число Anwohner'ов, которые владели 65 дес. наделом, но, продав свои хозяйства, доживают свой век въ Anwohner'ских домах на счет своих капиталов. Почему же и им не уделить земли наравне с прочими Anwohner'ами?.... иронически спрашивали представители хозяев. Семейств до 300 Anwohner'ов имелись на Молочне таких, которые лишились своих 65 дес. хозяйств от несчастных случаев, более же по лени и нерадению. «Эти-то люди—уверяли представители хозяев—наиболее настаивают на наделе безземельных земель». Сюда же хозяева относили Anwohner'ов, самовольно оставивших отцовское хозяйство, в составе которого они числятся по ревизии и «могли бы иметь полное обеспечение».

Достаточно приведенного, чтобы угадать сущность и тон дальнейших возражений хозяев. Доводы эти приводятся к тому, что наделъ Anwohner'ов в предположенном размере недостаточен для устройства и ведения «образцового» хозяйства; что общее стремление безземельных к владению хотя каким-нибудь клочком земли—искусственно может вовлечь в земледелие и тех, которые занимаются ремеслами и промыслами, требующимися равным образом «въ образцовомъ виде»; и что последствием удовлетворения требований безземельных — былъ-бы упадок хозяйства, ремесл и промыслов. Посему, для удовлетворительного разрешения вопроса, хозяева видели один только путь, а именно: «все братство молочанских меннонитов, посредством ежегодных взносов, должно образовать

-743-

особый капитал для покупки земель и устройства на них избытка населения — в составе новых колоний».

Хозяева основывались в своем отзыве на вступительных словах всемилостивейшей грамоты 1800 г. Отсюда они выводили, что дарованные меннонитам права и преимущества обязывают их положительно к «домоводству образцовому», которое могло бы служить примером для других сельских состояний. Домогательства безземельных шли, по уверению хозяев, в разрез с этим обязательством братства. Что же касается допущения безземельных в состав сходов и более справедливой раскладки сборов и повинностей, то представители хозяев предпочли вовсе не касаться этих вопросов. Мало того, весь отзыв их проникнуть таким явным раздражением и нерасположением к нуждам безземельных, что при таком настроении нельзя было ожидать справедливого и нелицеприятного содействия в этом деле. Так, на вопрос, в каком размере хозяева готовы делать взносы на составление капитала для покупки земель, они предложили не более 10 к. с десят. ежегодно. Ограничиваясь этим сбором, округу потребовалось бы до 80-ти летъ на приобретение для 2,000 сем. по 30 дес. на каждое. Наконец, по сущности всего дела казалось, что хозяева противились уравнительной раздаче Anwohner'ам запасных земель и настаивали на заселение этих земель самобытными колониями еще и в тех видах, чтобы вовсе удалить из округа всех или большинство Anwohner'ов, одних при посредстве водворения в новых поселениях, а других лишением их всякой возможности поддерживать свои хозяйства в колониях, и таким путем сделать невозможным участие этих людей в сходах. Но правительство имело другой взгляд на это дело. Оно не могло не убедиться, что безземельное население колоний требует устройства сколько само по себе, столько же и в видах сохранения собственно за хозяевами коренного водворения возможности впредь поддерживать свои хозяйства в образцовом виде. К тому же вопросъ об образцовом хозяйстве, в смысле обязательности его для меннонитов, может иметь значение разве только для хозяев; задаваться же им при устройстве быта безземельных, едва ли уместно, тем более, что настала пора для «образцовых» по сие время хозяев доказать на деле, насколько они, а с ними и самая система подворного пользования землею, соответствуют конечным результатам сельского устройства. Настоящий выводъ прямо истекает из последующих

правительственных распоряжений.

Высочайшим повелением, 14-го февраля 1866 г., было

-744-

указано: 1) состоящая при Молоканском меннонитском округе запасные земли, всего около 15 т. дес., отдать в надел безземельным семействам, по уравнительному распределению между ними; 2) Преимущества на таковой надел предоставить Anwohner'ам, с тем, чтобы как Anwohner'ы, так и вообще все находящиеся ныне в колониях владельцы полонинных или, если есть, более дробных участков допущены были, на точном основании закона (ст. 20 уст. о кол.) к участию во всех делах мирского схода; 3) для определения, кому из анвонеров следует отводить земляной надел, учредить временную комиссию из местных властей и представителей от хозяев и безземельных, и 4) установление порядка пользования запасными землями предоставить собственному усмотрению и соглашению тех семейств, коимъ они поступят в надел.

Передавая Попечительному Комитету, в Одессе, настоящее высочайшее повеление для исполнения, министерство государств. имуществ предписывало между прочим: а) излишняя земли, могущая оказаться в наделе старых колоний под наименованием неудобных, причислить к общему каждой колонии выгону; б) по вопросу об установлении в молочанском округе, постоянного с земли сбора на покупку земель для безземельных внушить на месте обществам, что дополнительнаго от казны надела они не получают; что, поэтому, на обязанности самих обществ лежить изыскание тех денежных средств, которые необходимы для окончательнаго устройства безземельнаго их населения, и что, предположенный на этот предмет сбор по 10 к. с дес., не соответствует ни степени состоятельности хозяев, ни существующей настоятельной потребности, в особенности в виду значительных затрат, делаемых на расселение, менее состоятельными колонистскими обществами Саратовской губ.; в). пригласить за тем общества Молочанскаго меннонитскаго округа, мирскими приговорами, установить выше упомянутый сбор в большем, по возможности, размере; и г) Высочайшее повеление 14-го февраля 1866 г. и настоящие указания применять, если не встретится особых местных препятствий, при передаче безземельным в пользование запасных участков в других округах. Таким образом, по Молочанско-меннонитскому округу, уже с 1866 г. запасные земли поступили в надел, по 12 дес. на семью к 1304 малоусадебникам и безземельным семействам.

Тем временем религиозная распря шла своим чередомъ. Мы сказали, что первый зачаток и корень подобныхъ движений в массахъ, в какой бы форме они ни выражались, нужно искать

-745-

прежде всего в недовольстве массъ своимъ экономическимъ бытомъ. Все религиозныя движения всегда будутъ шире и сильнее там, где распределение в частности наличныхъ материальныхъ средствъ и способовъ общества (т. е. в сельскомъ быту—земель), достигло наибольшей неуравнительности. Исключения в этомъ отношении составляютъ отдѣльныя личности, но массы—никогда.

Х.

С появившимся среди меннонитовъ новымъ религиознымъ братствомъ мы разстались в момент, когда оно обращалось за защитой к правительству. Это было в 1862 г. В то время, какъ намъ известно, безземельное население напрасно толкалось за помощью во все стороны; но оно приходило уже к более или менее ясному сознанию своей программы.

Ходатай Hürfer'ов, в поданной в мае 1862 г. на высочайшее имя записке, говорить между прочим, что право каждаго меннонита оставлять несоответствующее его религиознымъ убеждениямъ приходское общество и присоединиться к другому, или образовать даже новое, не можетъ подлежать сомнению. Русское законодательство этого предмета, какъ относящагося до внутренняго церковнаго благочиния, вовсе не касается, а Евангелие, и основанное на немъ учение Менно Симонса, поставляютъ подобное выделение, при данныхъ условияхъ, даже в непременную обязанность каждаго истинно верующаго. На томъ же начале основан и долг, или. право, самой церкви отлучать отъ *духовнаго общенія* своихъ нечестивыхъ членовъ. Подтвердивъ это обстоятельство примеромъ выделения на Молочне изъ состава существовавшихъ приходовъ — братствъ: Лихтенаускаго (изъ Орловскаго прихода) и Малаго (еще до 20-хъ годовъ изъ разныхъ приходовъ), которые равнымъ образомъ подвергались долгое время преследованиямъ, но отстаивали свою самобытность, уполномоченный гюпферовъ объясняетъ образование своего братства следующимъ образомъ: «В

последние годы, действием Духа Божия, проявилась среди меннонитов потребность — с полным усердием искать душевного спасения. Прилежнее прежнего, многие стали читать священное писание; это чтение подкрепляло их в твердом намерении — и в вере и в жизни неуклонно следовать учению Евангелия. С тем вместе, обнаружился настоящий церковно-религиозный упадок наших обществ; истинного евангельского помысла, которому меннонитское имя единственно обязано своею старинною славою,

-746-

там уже мало оказывается. Кроме того, к сожалению и удивлению нашему, мы сознали, что церковное благочиние, будучи низведено до пустого, мертвого формализма, оказывает явно порочной жизни такое снисхождение, которое, по учению церкви, не должно быть терпимо. Все это делалось предметом разговоров и размышлений, особенно со стороны людей более серьезных. Они признали ясно и положительно, что такое состояние наших обществ не соответствует ни Евангелию, ни постановлениям Менно Симонса. Естественным последствием сего было образование нами отдельного прихода, с целью, собственным примером возстановить среди остальных единоверцев наших прежнее, потраченное благочестие и благочиние как в церкви, так и в частной жизни. Но большинство духовных старшин усмотрели в настоящем факте лишь прямое себе оскорбление и подрыв их личного авторитета. Они решились всеми силами воспротивиться самобытности нового прихода, который, тем временем, как выражение глубоко сознанной многими нравственно-религиозной потребности, приобретает все более сочувствия и последователей».

Еще в марте 1860 г. духовные старшины старых приходов, на предложенные со стороны местного колониального начальства, вопросы касательно Нүрфер'ов дали различные отзывы. «Направление этих людей—говорит орловский старшина Иоган Гардер, — выражается в стремлении и желании, на общих всем меннонитам догматах и верованиях, образовать отдельное общество, и, во имя высочайше дарованной меннонитам свободы совести, жить сообразно их верованиям, среди остальных меннонитских обществ, в надежде возстановить собою лучшее благоустройство. Оставаясь неуклонно верными этой цели, они никакими дурными последствиями для целого братства не угрожают. Средством же к отклонению этих людей от намерения образовать отдельный приход — представляется одно: мы все, с полною решимостью, должны жить по закону Божию; церковное благочиние наше должно быть возстановлено, а братству нашему следует исправиться, к чему да подаст нам Господь, по благодати своей, крепкую волю и достаточную силу. Если же кто окажется достойным наказания, то братству во Христе должно служить правилом и руководством учение Евангелия: отлучать от братства и не иметь с отлученными соотношения, пока не устыдится (bis er schamroth werden)».

Совершенно противоположное мнение высказывали остальные старшины, по постановлению которых Нүрфер'ы были уже отлучены

-747-

от церкви. По объяснению их, направление «этих заблудших членов» существенно следующее: «Они понимают, объясняют и применяют Св. Писание односторонним образом, утверждая, что их понимание и применение отдельных текстов исключительно верны, вследствие чего не внимают ни чьему руководству и поучению. Не почитая установленного церковного благочиния и устройства, они признают их за учреждения человеческие и утверждают, что в этом отношении должно повиноваться Богу больше, нежели людям, чему и последовали, приобщившись в частном доме св. Таинь. Одних себя они почитают за истинных христиан, объявляя целое меннонитское братство дошедшим до окончательного упадка и служения духу тьмы». Из этого главного направления гюпферов, а также из способа отречения их от существующих приходов, старшины заключали, что «о спокойном съ ними сожительстве и думать нельзя, и что, в случае признания за ними права на существование среди колоний в виде свободного церковного общества, должно ожидать одни раздоры и беспорядки, тем более, что нельзя надеяться, чтобы они остановились на настоящей точке их фанатических лжеубеждений. Напротив, будучи предоставлены самим себе, они сделают, вероятно, еще большие успехи в своем фанатизме». Смотри на этих людей не иначе, как на отщепенцев, и предвидя возможность брачных союзов между ними и другими

меннонитами, старшины опасались в будущем «самого прискорбного раздора в семейномъ быту» и, сверх того, неумолимой пропаганды, которая, «действуя под личиною истиннаго христіанскаго благочестія, может совратить с пути многихъ невинныхъ и благомыслящихъ меннонитовъ». По такимъ соображениямъ, большинство старшинъ отказали в своемъ согласіи на существованіе Hürfer'овъ въ составѣ особаго прихода.

Между темъ, окружной приказъ, получивъ приговоръ церковнаго конвента об отлученіи Hürfer'овъ от церкви, далъ сельскимъ управленіямъ всего Молочанскаго округа следующее циркулярное предписаніе: «По поводу того, что некоторые члены молочанскихъ меннонитскихъ обществъ возымели дерзость приобщиться св. Таинъ, в колоніи Елизаветсталѣ, в частномъ собраніи, и, не взирая на сделанныя имъ увещанія, не оставляютъ своихъ ошибочныхъ убѣжденій, а напротивъ, отказались письменно от подлежащихъ церковныхъ обществъ своихъ, с целью образовать отдѣльный приходъ, и принимая во вниманіе, что они имеютъ частныя сходбища, окружной приказъ, руководствуясь ст. 362 улож. о нак. изд. 1857, в силу

-748-

которой: учредители и главы тайныхъ обществъ, которыя, хотя бы не имели вредной цели, но особыми постановленіями и распоряженіями воспрещены, подвергаются заключенію в крепости на время от 6 мѣсяцевъ до одного года, а члены подобныхъ обществъ, в случаѣ, что запретъ имъ былъ извѣстен, подлежатъ аресту на время от 7 дней до 3 недель, — строжайше предписываетъ сельскимъ приказамъ, имѣть бдительнѣйшее наблюденіе, чтобы упомянутыя и другія лица вновь не имели в колоніяхъ, по частнымъ домамъ, какихъ-либо в религіозномъ смыслѣ сборищъ. Сельскіе приказы обязываются доводить об изложенномъ до всеобщаго сведенія, а ослушниковъ, равно и дозволившихъ в своихъ домахъ подобныя сборища хозяевъ, хотя бы послѣдніе и не принадлежали к новому братству, представлять безъ замедленія и подъ личною ответственностью приказовъ, на дальнѣйшее распоряженіе окружнаго приказа».

О послѣдствіяхъ этихъ мѣръ не будемъ распространяться. Характеръ ихъ очевиден: оне, какъ сказано в просьбѣ уполномоченнаго гюпферовъ, были до того стеснительны для членовъ новаго прихода, что должны были повести к полному разоренію ихъ хозяйственнаго быта. Теперь понятно, если Hürfer'ы ожидали защиты только отъ правительства. И действительно, послѣднее не замедлило распорядиться в томъ смыслѣ, что церковное отлученіе ни в какомъ случаѣ не должно сопровождаться стесненіемъ гражданскихъ правъ и преслѣдованіями полицейской власти. В отношеніи же признанія новаго прихода встрѣтились затрудненія, такъ какъ законодательство вовсе не касается догматической стороны меннонитскаго ученія. Представился вопросъ: которую изъ обеихъ партій должно считать сектою, уклонившеюся отъ гарантированнаго закономъ меннонитскаго толка? Но, вдаваться в обсужденіе этого вопроса—не в духѣ нашего законодательства, требующаго отъ иноверческихъ религіозныхъ обществъ в догматическомъ отношеніи только одного, чтобы в извѣстномъ ученіи не заключалось, ничего противнаго основнымъ началамъ христіанства, нравственности и гражданскаго благоустройства. При такой постановкѣ дела, сами Hürfer'ы указали лучшій исходъ изъ затрудненія. «Видя, что имъ, какъ меньшинству, трудно выдержать борьбу съ противниками, они еще, до начала ходатайства предъ высшимъ правительствомъ о терпимости ихъ прихода, обращались на Кавказъ о надѣлѣ ихъ тамъ участкомъ земли. Къ счастью, кавказское намѣстничество признало возможнымъ отвѣсти имъ на 100 сем. 6,500 дес. на р. Зеленчуке в Кубанской области, а за темъ и министерство государств. имуществъ поспѣшило

-749-

дать свое согласіе на переходъ туда этихъ людей. Выселеніе ихъ состоялось в 1864—1866 г.; но, какъ слышно, водвореніе на новомъ мѣстѣ затрудняется, с одной стороны, крайне неблагопріятнымъ влияніемъ на поселенцевъ климатическихъ условій края, а с другой, незнакомствомъ ихъ съ мѣстной культурою. Не подлежитъ однако сомнѣнію, что для такихъ колонизаторовъ, каковы меннониты, означенныя затрудненія лишь временныя.

Настоящее переселеніе, удаливъ изъ среды меннонитовъ главнѣйшихъ ревнителей Hürfer'скаго толка, значительно умерило здѣсь религіозную распрю. В послѣднее время обнаруживались однако снова факты, доказывающіе, что секта продолжаетъ, по прежнему, существовать и даже распространяться не только у меннонитовъ, но и в протестантскихъ колоніяхъ, находя особенно легко

приверженцев среди безземельного населения. Между тем, правительство окончательно убедилось, что возводимые на Hürfer'овъ обвинения в безнравственности, неповиновении властям и т. п. не подтверждаются фактами; и что, в догматическом отношении, сектанты эти принадлежат к толку анабаптистов, коих учение имеет с меннонитским общее начало и не заключает в себе ничего вредного или противного нравственности и гражданскому порядку. Но если таким образом не было и нет причины преследовать этих людей за их верования, то тем не менее пребывание их в колониях продолжает местами вызывать более или менее ожесточенные распри, влияющие неблагоприятно на хозяйственный успех и спокойствие населения. Вследствие того, и по поводу ходатайства многих из поселенцев южного края России о дозволении им равным образом переселиться на Кавказ, тамошнее наместническое управление признало возможным принять к поселению в Ставропольской губернии до 2,000 колонистских семейств. Выселение этих людей не замедлит разом оживить значительную часть Ставропольских степей, а южным колониям оно принесет осязательное облегчение, тем более, что, по всей вероятности, правом переселения воспользуются, в числе других, особенно сектаторы.

Наконец, рядом с Hürfer'ами, явились в молочанских меннонитских колониях, так называемые «Иерусалимские друзья». Главными руководителями их признаются упомянутые уже нами меннониты, братья Иоган и Фридрих Ланге. Оба Ланге, принадлежа к разряду безземельных, посвятили себя народному обучению и имеют дипломы на звание домашнего учителя. Старший, — Иоган, года три провел в Виртембергском королевстве,

-750-

в одной из тамошних учительских семинарий. Это последнее обстоятельство, и особенно женитьба Иогана Ланге на лютеранке из Виртемберга, подали повод к неудовольствиям со стороны прочих меннонитов, по убеждению которых смешанный брак должен сопровождаться совершенным выходом сочетавшагося из состава меннонитского братства и его обществ¹⁾ К тому же, братья Ланге, как люди замечательных способностей, с весьма удовлетворительным образованием и развитием, не могли не приобрести значительного влияния на людей своей партии, т. е. на безземельных. Обстоятельство это возстановило против них окончательно большинство хозяев и их представителя — выборное начальство. Наконец, когда Ланге с своими приверженцами тоже возстали против «самозванной консистории» и, выделившись в особый приход, были избраны последним в должности, один — проповедника, а другой — учителя, когда новое братство учредило свою особую школу, приобретшую вскоре всеобщую известность и доверие, тогда озлобление против них достигло крайних пределов. Выборное начальство не затруднилось даже всячески выставить пред правительством деятельность бр. Ланге в самом неблагоприятном свете. Церковный конвент и окружный приказ доказывали, что секта «Иерусалимских друзей», которых центр в Виртемберге, имеет конечную целью — совершенное переустройство не только существующих христианских церквей, но и всего социального быта; что, вследствие того, последователи этого учения относятся враждебно к установленным властям; что подобная тенденция Ланге проводят и в учрежденной ими школе, развращая вверяемое им юношество и т. д. Они требовали совершенного удаления бр. Ланге, если не из России, то из среды меннонитских колоний, для спокойствия которых дальнейшее пребывание этих людей, будто бы, не безопасно. Все эти тяжкие обвинения не подкреплялись и, повидимому, не могли быть подтверждены фактическими доказательствами. К тому же, меннонитское общество, еслиб признавало бр. Ланге действительно вредными для себя, имело возможность удалить их из своей среды по общественному приговору (ст. 468 уст. о кол., ч. 2 т. XII Св. зак.), что им однако не сделано. Наконец, представленные самим Ланге

¹⁾ Отец Ланге — владелец 65 дес. хозяйства — продал-было сыну из своего участка анвонерскую усадьбу, но общество не утвердило этой сделки на том основании, что «Иоган Ланге, как женившийся на лютеранке и посему не принадлежащий к меннонитскому братству, не может владеть землею в колонии».

-751-

объяснения и письменное изложение догматов их учения ставят вне сомнения, что и в этом случае выборное начальство меннонитов руководилось, по преимуществу, побуждениями религиозной нетерпимости и вообще духом партии.

Как ни интересны все подробности борьбы между церковным конвентом и сектантами, но изложение их завлекло-б нас слишком далеко. Для полной характеристики общества «Иерусалимских друзей» и его стремлений, приводим только еще собственные слова и главные основания учения нового братства. — «Как церковный конвент, в настоящем значении его — заканчивает братство свое заявление 1863 г. — есть учреждение, противоречащее порядкам и установлениям меннонитского братства, как к тому же он следует по пути, который поведет наш народ все к большим раздорам и разстройству, бросая на него тень пред правительством, и как конвент, обуреваемый сам внутренними несогласиями, должен распасться (Матф, гл. 12 ст. 26), то, не признавая себя обязанными впредь подчиняться его власти, мы решились пользоваться гарантированного нам законом свободой веры, как добрые христиане, и жить в мире и покое. Наш церковный конвент есть Слово Божие и основанное на нем приходское устройство, с правилами и порядками по духовному разумению. Прием в наше общество иноверной иностранки (жены Ланге), мы совершили с полным сознанием нашего права, не противоречащего общим законам империи. Крещение младенцев мы не можем отвергнуть, так как в наших меннонитских общинах таинство это совершается превратно над непокаявшимися и богохульствующими невеждами, которые нередко в тот же день топчут эту благодать ногами. Мы неуклонно держимся того правила, что человек прежде всего должен быть воспитан в помыслах и путях Всевышнего, и за тем только, если в нем обнаружится сознательно-серьезное стремление к приобретению небесного блаженства, только в таком случае мы удостоиваем его окрещения во имя св. Троицы, по повелению Иисуса Христа. Но, кто однажды окрещен, для того воды достаточно; тут требуется уже окрещение не водой, а огнем», ит. д.

«Мы основываем наше учение и устройство нашего общества — поясняли братья Ланге правительству впоследствии — на священном писании старого и нового завета, которое признаем за откровение Божие и источником всего святого. Символ веры, установленный на Никейском соборе, служит основанием нашего учения. Мы обращаем особенное внимание на 2-е послание Петра, гл. I, ст. 19, в котором Апостол указывает

-752-

на опасность от антихриста и на средства против него, заключающиеся в бдении, молитве и неуклонном исполнении заповедей Спасителя. За образец устройства нашего общества мы принимаем первую христианскую общину, как она описана в главе 12, 13, и 14, I посл. к Коринфянам. По примеру этой общины, мы избираем себе старшину и наставника из способнейших и наиболее добродетельных мужей, а эти последние, согласно Деяниям Апост. 14, 23, выбирают сами старейшин и учителей. Наше богослужение состоит в подражании примеру Спасителя и основано на посл. к Римл. гл. 12 ст. 1. Итак, умоляю вас, братия, милосердием Божиим, предоставьте тела ваши в жертву живую, святую, благоугодную Богу, и т. д. Мы жертвуем наше тело и все наши помышления на исполнение воли Всевышнего. Для возбуждения нас к такому настроению, мы имеем публичные собрания, в которых избранные обществом и освященные духом лица произносят проповеди... И пророки пусть говорят двое или трое, а прочие пусть разсуждают; если же другому из сидящих будет откровение, то первый молчи. Ибо все один за другим можете пророчествовать; чтобы всем поучаться и всем получить утешение.» (I посл. к Коринф. 14, 29 — 31) Браки совершаются в присутствии общества пред Богом; дети, согласно (посл. к Коринф. 7, 14) по рождению принадлежат к обществу и представляются в собрании Господу Богу, получая при этом благословение. В виду споров о том, кого следует крестить: детей или взрослых, и не вполне ясного разрешения этого сомнения со стороны св. Писания, мы предоставляем на волю родителей избрать тот или другой пут. Но мы убеждены, что крещение должно сопровождаться полным освящением духом Христовым, что без этого окрещение и детей, и взрослых не достигает цели. Приобщение св. Тайн совершает в общих собраниях наставник. Впрочем, согласно Деян. Апост. 2, 26, причастие допускается и в малых собраниях, если в том встретится надобность. Уход за больными, согласно Деян. Апост. 5, 14—18, лежит на особенной обязанности старейшин общества. О светской власти мы убеждены, что нет власти, которая не была-бы от Бога, и что где- власть, там она установлена Богом (к Римл. 13, 42). На этом основании, мы повинемся власти во всем, что не противоречит ясному и откровенному слову Божию. Присягу мы, по словам Еванг. Матф. 5, 34, 37 и Иоанна 5, 12, считаем воспрещенною, но обязуемся во всех случаях говорить по чистой совести и ничего не утаивать. Воспитание детей

по нашему убеждению, важнейшую потребность общества. Для того существует при нашем обществе учебное заведение, имеющее целью не только обогатить ум детей разными сведениями и познаниями, но и соделать их нравственными, набожными и дельными членами общества, с здоровым телом и чистою душою. Из училища дети должны вынести убеждение, что их назначение вести жизнь справедливую, Богу угодную и людям полезную».

Казалось-бы, что люди с такими стремлениями едва-ли могли принести существенный вред благосостоянию меннонитского братства, которое, без всякого сомнения, утеряло не мало из прежних добродетелей праотцев; но при существовавшем возбуждении страстей, и братья Ланге с их последователями предпочли уклониться от дальнейших дразг и преследований: арендовав себе, около Пятигорска на Кавказе, участок земли в 10,000 дес. на 30 лет, они решились водвориться там особым обществом, на что и получили разрешение правительства.

XI.

Несмотря однако на благоприятный исход религиозных волнений, попытка меннонитских старшин централизовать церковную власть потерпела окончательное *fiasco* и от конвента или «самозванной консистории» не осталось теперь никаких следов. Но сознают ли, наконец, меннонитские хозяева, что общественный недуг их может и должен быть искореняем не религиозными исследованиями, а мерами экономическими, скорейшим устройством возможно большего числа безземельных семейств? Пусть не забывают они справляться почаще об обязанностях, налагаемых на них учением Менно в отношении меньшей братии. Не мешало бы также хозяевам приводить себе в этом случае на память: какой капитал образовал бы излишек доходов с запасных земель при округе, еслиб этот излишек, в течении десятков лет, не был обращаем ими на общественные потребности, которые в других колонистских водворениях, при окладных казенных податях несравненно большего размера, всегда покрывались и покрываются иа счет общественного сбора и иных источников общественного дохода. Запасные земли, а следовательно, и доходы с них, если были даны в распоряжение обществ, то не в пользу хозяев, наделенных уже землей, а исключительно на «приумножающееся население», т. е. для устройства безземельных.

Спрашивается: при более благоразумном и справедливом заведывании означенными доходами за прежнее время разве не было давно уже возможности для округа устроить участь большинства безземельных и предупредить излишнее накопление их? Нам это кажется тем более вероятным, что земли на юге России значительно вздорожали только в весьма недавнее время: лет 10-15 тому назад, можно было приобрести их еще в волю, едва ли не за безценок. Если же хозяева воспользовались этою возможностью, только в интересах личных, а не целого водворения, в если они не накопили даже тех капиталов, которые населению других колонистских округов приходится в настоящее время как нельзя более кстати, то винить им остается, конечно, только самих себя, свою собственную непредусмотрительность и близорукое своекорыстие, а отнюдь не безземельных, которым, по упорству хозяев же, не было предоставлено голоса в делах общественных ни прямого, ни даже совещательного.

Ожидать, или, как желали бы молочанские меннонитские хозяева, даже требовать, чтобы огромная масса безземельных, приумножающаяся почти полным процентом нарождающегося населения, находила свое обезпечение в одних промыслах, торговле и ремеслах, — это, по меньшей мере, нелепость, очевидная для всякого, и тем более для самих хозяев. Они не могут не знать, что только выселением на покупные земли вопрос о безземельных разрешится к обоюдной выгоде, как в том сознались и представители хозяев. Съ другой стороны, нельзя не заметить, что право на земельный надел есть одно из основных, существенных преимуществ земледельческого состояния. За это право хозяева готовы ратовать едвали не больше нас; оно признано и за бывшими крепостными крестьянами, базисом хозяйственного устройства которых послужил надел землею, несмотря даже на кажущееся противоречие этой меры с правами собственников-помещиков. Спрашивается: в силу чего же меннонитские хозяева могли бы отказать в этом праве своим младшим сообщественникам, которые, по закону, должны пользоваться безусловно

одинаковыми с ними преимуществами, теряя эти преимущества только при увольнении в другое звание, при выезде за границу, или, вследствие преступления, по судебному приговору. Разве, по мнению хозяев, общий для колонистов, основной закон: все отведенные от казны земли даны *не лично кому либо, а в общественную каждой колонии собственность*, — не распространяется на народившееся и впредь имеющее народиться население колоний?..... Если же

-755-

правительство не настаивает на *безусловном* применении этого закона, то, как ясно видно из всех распоряжений по устройству безземельных, это делается вовсе не потому, чтобы оно не признавало обязательности его для всех без изъятия сообщественников. Напротив, в распоряжениях этих прямо высказано, что *забота об устройстве безземельного населения*, насколько оно требует *материальных средств, лежит на прямой обязанности обществ*. Из этого следует, что правительство, признавая в принципе право безземельных на земельный надел, желало бы осуществить это право, «не насилуя и не ломая» установившейся в колониях подворной системы пользования землями. Но избежать внутреннего передела угодий возможно только выводом из коренных мест водворения значительной части безземельных — на земли покупные или арендные.

Обсуждая печатно ¹⁾ вопрос: какая судьба ожидает безземельных колонистов, и какими со стороны обществ мерами должно быть обеспечено их материальное положение, — сельские начальники колонии Нейгофнунгсталя ²⁾, признали прежде всего жизненность и своевременность этого вопроса. «Уход в Турцию татар и замена их болгарскими переселенцами из-за границы — говорят они — сразу произвели совершенный переворот в условиях экономического быта колоний Таврической губ. Одно это обстоятельство, не говоря уже о других причинах, сделало для безземельных невозможным следовать тем путем, которым они прежде снискивали себе пропитание. *Им остаются только два исхода: долгосрочная аренда и покупка земель*». На третье средство: единичную, краткосрочную аренду, или хуторское хозяйство, лица эти не указывают, так как от этого способа им известно более неблагоприятных, нежели хороших последствий. Если от хуторского хозяйства отдельные личности иногда выигрывали в денежном отношении, то эта выгода совершенно ничтожна в сравнении с сопровождавшими ее неблагоприятными для них последствиями. Уже одно отсутствие школы и церкви приводило и приводило хуторян к нравственной распущенности, несовместно с условиями хозяйственного успеха и сельского благоустройства. Если отдельный колонист —хуторянин и находит возможным давать своим

¹⁾ *Unterhaltungsblatt für die ausländ. Ansiedler Süd-Russland- Odessa № 4 — 1865 г.*

²⁾ *Кол. Нейгофнунгсталь, бердянского колонистского округа, Бердянского уезда Таврической губ.*

-756-

детям необходимое религиозно-нравственное воспитание, то это только исключение из общего правила. К иным результатам приходит большинство хуторян, состоящее из людей менее заботливых и бедных. Вырванные из среды общинного союза, поддерживающего порядок и благочиние, они будут предоставлены самим себе. «Но—продолжаем Нейгофнунгстальское сельское начальство — мы желаем прежде обсудить наши обстоятельства и посмотрим на дело не через тусклое стекло. Если третий путь нежелателен, то, само собою разумеется, следует воспользоваться двумя первыми: помощь необходима; бытовые условия коренных водворений, сделавшись для хозяина и безземельного одинаково неудобными, привели уже к взаимным пререканиям и столкновениям». По словам авторов, до исхода 1864 г. на общественном выгоне их колонии имели право содержать: полный хозяин по 24, а безземельная семья по 4 штуки крупного скота. Но, с этого времени, общество, по недостатку подножного корма и вследствие приумножившагося населения, нашлось вынужденным ограничить число выпасаемого скота: для хозяина 18-ю, а для остальных 3-мя головами; «Для некоторых это было весьма тяжелое, но тем не менее, безусловно необходимое стеснение». Многие хозяйства разделены, по воле отцов, на два двора, с передачею их во владение сыновей и с оставлением за отцом лишь анвонерской усадьбы. Такие половинные хозяева обязаны обыкновенно в пользу отца- анвонера выпасать на общественном выгоне, за свой счет, 4 штуки скота; следовательно, их право выпаса на себя низводится до 7 голов. По мнению Нейгофнунгстальских начальников, не следовало бы

уменьшать и овцеводства, а между тем 4 овцы принимаются за голову скота, и половинный хозяин, содержа 12 овец, сохраняет право выпаса только на 4 головы крупного скота.

Далее те же сельские начальники свидетельствуют, что в прежнее время можно было в их местности дешево арендовать земли у татар; теперь же оброчная плата возвысилась, так, что для малосостоятельного колониста аренда на стороне затруднительна. «Но—прибавляют они—безъ засева — нет и урожая; чем далее станешь медлить действительною помощью, тем затруднительнее для нас сложатся обстоятельства и тем, больших жертв потребует это дело в будущем. Справедливость этого заключения до очевидности ясна для всякого, принимающего в расчет постоянное увеличение число семейств. ««Нужно, должно помочь»»;—вот убеждение всех благомыслящих хозяев и, тем более, безземельных. Но как?»

-757-

Авторы склоняются исключительно в пользу покупки или долгосрочного арендования земель; но они обуславливают подобныя операции такими размерами, чтобы водворяющиеся на покупном или арендованном участке колонисты, по числу душ и средствам, были всегда достаточно сильны для устройства и содержания, на свой счет, *особаго сельского управления и школы, или, хотя бы одной последней*. Только расселение в таких условиях окажется, по мнению авторов, благоприятным для материального и нравственного преуспевания поселенцев. Для достижения этой цели, они предлагают образовать кассы, с тем, чтобы каждый отдельный округ озаботился составлением особаго капитала, привлекая к участию не только выселяющихся, но и остающихся на месте колонистов. Размер сбора и срок уплаты, по мнению авторов, могли бы быть установлены приказами. Впредь до накопления капитала — следовало бы приращать его процентами, а по достижении им соответственного размера, — приобрести на счет его участок за участком, заселяя каждый особую колонию и обязывая поселенцев постепенною, в определенные сроки, выплатою капитала, употребляемого на покупку участка.

Настоящий призыв заканчивается патетичными, но, без сомнения, вполне искренними словами: «Оказывать взаимную друг о друге заботу, помогать ближнему, — вот священная обязанность христианина. Видеть страдания брата и хладнокровно пройти мимо, — ниже человеческого достоинства. Спасать, помочь, — вот чем прочно создается наше собственное благополучие; и Господь Бог, радующийся подобной братской любви, не оставит наших честных стремлений своею благодатью, а потомки добромъ вспомнят прах отцов своих. Безучастным «нечего делать» — нельзя помочь, в то время, когда помочь нужно, должно!

Призыв этот не остался голосом вопиющего в пустыне. Повсюду в колониях взялись если не за самое дело, то за серьезное обсуждение его. Упорствовали по прежнему одни молочанские меннонитские хозяева, и еслибы единственная доходная статья — окружная овчарня — не была уничтожена, то покупка для безземельных участка земли состоялась бы безпрепятственно; теперь же требуют, чтобы денежные средства на эту операцию были собраны, по преимуществу, с хозяев. Но ответ хозяев один: «безземельные получили то, чего домогались; 1304 семейства наделены землею согласно их желанию, уничтожением же статей общественного дохода — наши подати, и без новаго налога, значительно возвысились». Вот, что писал

-758-

один из влиятельнейших представителей молочанских меннонитских хозяев еще в исходе зимы 1867 г. Но, уже осенью того же года общинный принцип восторжествовал вполне над началом личным и дело безземельных приняло иной оборотъ. Тотъ же корреспондент сообщил в октябре, что молочанское окружное общество решило приобрести для безземельных 30-40 тыс. дес. земли, а для составления нужного капитала, оно установило сбор по 50 коп. с десятины и столько же с рабочей души. Итог сбора составляет до 60 тыс. р. в год.

Мариупольское меннонитское окружное общество, опасаясь «грозящей безземельным в близком времени безвыходной бедности», предположило приобрести для 145 таковых семейств участок земли в 12,250 дес. По примерному расчету, на эту операцию потребуется около 245,000 руб., которых у общества в наличности не имеется. Поэтому, в особых мирских приговорах, оно обязалось установить ежегодный, в течение 35 лет, общественный сбор, в количестве 7,000 руб.¹⁾. Размер и срок этого сбора рассчитаны между прочим на основании предположения, что казна найдет возможным продать обществу нужный ему участок из свободных казенных земель, с

разсрочкою выкупных платежей. К сожалению, общество ошибается в этом отношении. По принятому порядку, казенно-оброчные статьи продаются только в виде исключения, когда являются желающие купить ту или другую статью, либо когда управление статьею представляется неудобным по незначительности приносимаго ею дохода или слишком большой отдаленности от других статей, и при том не иначе, как с публичных торгов. Ценность продаваемых статей определяется по капитализации выручаемаго от них дохода из 5%, если доход этот выше оценки; в противном случае, торги начинаются с оценочной суммы. Продажа статьи без торговъ допускается лишь в редких случаях, по каким-либо особо уважительным причинам, с уплатой всей покупной суммы, исчисляемой на изложенных выше основаниях, с прибавлением к капитальной цене 10% единовременно. Разсрочка платежей допускается лишь на самое непродолжительное время, не далее 2-3 лет, с платежом в последнем случае на всю ту сумму, которая остается в долгу, установленных процентов.

¹⁾ Сбор этот составляет по 74 к. с дес., или по 8 р. 65 к. с рев. муж. пола души, или по 19 руб. с наличной семьи.

-759-

Очевидно, что продажа мариупольским меннонитам казенного участка не могла состояться как потому, что у них не собрано еще нисколько капитальной суммы, так и потому, что они не указали участка, который желали бы приобрести. Но, установивши однажды указанный выше сбор, они найдут, быть может, средства еще усилить его, хоть бы на первые годы или единовременно. Таким образом, ограничиваясь на первый раз покупкою участка в 6 — 7 тысяч дес., общество уже чрез несколько лет будет в состоянии приобрести эту землю, если не от казны, то от частных владельцев. Продолжая по прежнему сбор и обязывая поселенцевъ, водворенных на купленном участке, возвратом капитальной суммы, получатся, в скором времени необходимыя средства для покупки новаго участка, и безземельное население округа будет устроено, а коренное водворение составить себе общественный капитал. Этот капитал может и впредь легко удовлетворять данному ему назначению, тем более, что съезд депутатов от всех окружных обществ южных колоний определил: повсеместно в колониях, и на однообразных основаниях, открыть окружные или волостныя ссудо-сберегательныя кассы ¹⁾. По составленному съездом проекту, представленному на утверждение начальства, одною из главных обязанностей кассъ будетъ содействовать покупке, за счет волостных обществ, земель для устройства безземельнаго поселения. В кассы, немедленно по открытии их, обратятся до 700 тыс. руб. одних училищных фондов, и до 2-хъ милл. иных общественных и сиротских капиталов. Следовательно, в средствах для устройства безземельнаго населения едва ли будетъ затруднение.

Здесь потребуется прежде всего только добрая воля обществ, которыя, по закону, при посредстве волостных сходов и кассовых управлений, сами будут распоряжаться своими общественными суммами и, как само собою разумеется, могут дать оборотам касс то или другое направление.

По Хортицкому округу общество равным образом занято обсуждениемъ способов помочь своим безземельным. Там предполагается достигнуть цели, во 1-х, раздачею в надел безземельным угодий, состоящих под общественной овчарнею; во

¹⁾ В более значительных округах южных колоний ссудо-сберегательныя кассы существуют уже издавна под наименованием сиротских. Так, напр., касса Либентальскаго округа учреждена еще в 30-х годах, и имеет даже в настоящее время, т. е. без помещения в нее общественных и училищных капиталов округа, ежегодный оборот до 240 тысяч руб. С 1860 г. открыты подобныя кассы в 16-ти округах Приволжских колоний, и годичный оборотъ их дошелъ уже до 1 ½ милл. руб.

-760-

2-х, допущением дробления хозяйственных участковъ и, в 3-х, покупкою земель на стороне.

Вообще оба округа, Мариупольский и Хортицкий, с самого начала отнеслись сочувственнее молочанцов и к проекту изменения закона о наследовании колонистов в землях и имуществе. Оба общества, «внимательно обсудив проект» во всех подробностях и одоблив его вполне, нашли нужным выразить свою благодарность «за сохранение меннонитам и впредь обычных правил наследования, тесно связанных с правовыми понятиями и религиозными убеждениями братства». «При настоящем положении округа—продолжает общество,—каждый хозяйственный земельный

участок, с пользою для хозяина и для целого водворения может быть раздроблен на три, — но не более — самостоятельных хозяйств; а именно: на *одно половинное* съ 32 ½ дес., и на *два четвертных*, каждое по 16 ¼ д. удобной земли, как это отчасти уже допущено. «При таком наделе — удостоверяет общество — семья может существовать, хотя и будет лишена возможности возводить и содержать такие обширные и ценные постройки, какими до сего времени обзаводились хозяева 65-дес. двора. Но подобных заведений — присовокупляет общество—и не потребуется; для сохранения существующих старых построек половинный надел оказывается вполне достаточным, а потому—*раздел каждого 65-десятинного двора, — на указанных основаниях, на три, или же, по усмотрению каждого хозяина, только - на два половинных двора, — желательно допустить по закону*».

XII.

Ознакомившись с результатами, достигнутыми меннонитскою колонизациею, нам оставалось-бы обратиться к вопросу: в чем, по преимуществу, заключается причина хозяйственного успеха и благоустройства меннонитских водворений; т. е., обязаны-ли они своими успехами исключительно только предоставленным братству правам на общественное самоуправление, преимуществам по состоянию и материальным, а также интеллигентным своим средствам, или же заметную роль играет здесь чисто механическая сторона установившейся хозяйственной системы, основанной на лично-общинном поземельном устройстве, и если так, то въ какой степени этот распорядок — сам по себе — влияет на преуспеяние колоний?....

Но ставя этот вопрос, мы имеем в виду как замечательный

-761-

пример быстрого устройства приселенных к Молочанскому округу разорившихся радичевцев, так главнейше и происходившие у нас споры о превосходстве обычных распорядков на земле наших крестьян пред западно-европейским крестьянином-собственником, споры, неприведшие и до сего времени ни к какому положительному результату ни общества, ни представителей литературы и науки. Наконец, мы не могли не принять во внимание ту же двойственность начал по владению и порядкам пользования землею, выразившуюся и во всех новейших законоположениях наших по поземельному устройству разного наименования поселян. В каждом из этих актов явственно слышны голоса как представителей поземельнообщинного принципа, так и антагонистов их, требующих обращения каждого отдельного крестьянина в полного земельноучасткового собственника, и особенно любопытно проследить те уступки, которые в местных положениях вытребовала себе действительная жизнь, какъ-бы в доказательство того, что местами практика наших крестьян не довольствуется по землевладению ни исключительно общинным, ни исключительно личным принципом. Общинно-поземельное устройство наших меннонитских колоний, отличаясь от поземельных порядков, установившихся у крестьян-русских и Западной Европы, по двум противоположным системам представляет собою нечто среднее между этими обеими системами. Меннонитская земледельческая община никем еще не анализирована всесторонне; все споры и трактаты о крестьянской общине вполне игнорировали этим, по нашему мнению, весьма крупным фактом; содействовать восполнению этого пробела, а также установлению более правильного взгляда на наше колонистское население вообще, вот главная мысль, лежащая в основании всего нашего труда. Но зная предубеждение, господствующее у весьма многих из нас против колонистов, как привилегированного состояния, и будучи того мнения, что не в привилегиях лежит истинная причина хозяйственного и общественного успеха колоний, мы видели необходимость подкрепить себя возможно большим количеством фактического материала, статистических данных и т. п. Такой баласт несколько тяжол для журнальной статьи; но, не имея никакого права требовать себе веры на слово, мы незадумывались над этим неудобством, в полной уверенности, что люди, серьезно интересующиеся крестьянским бытом, оценят этот баласт и воспользуются им для проверки наших же выводов.

Поставивши так широко вопрос, мы не скрываемъ от себя всю затруднительность его положительного разрешения; но, вместе с тем,

-762-

нельзя не признать, что только в этом смысле анализ наших колонистских земледельческих ассоциаций может иметь вполне современное и практическое значение, в особенности для нас,

русских, занятых закладкою фундамента своего государственного строя — вопросом крестьянским.

Что права общественного самоуправления и вообще преимущества гражданския, а также материальныя средства, составляют такие факторы, без которых никакая система поземельнаго устройства не могла-бы дать таких благоприятных результатов, какія встречаются у наших меннонитов, как нормальное явление, — это, всеконечно, факт несомненный, усвоенный и законодательством. Но если более или менее все согласны в тоъ, что в быту земледельческаго общества внутреннй распорядок есть одинъ из главнейших факторов успеха или упадка, то в свою очередь безнадежное в начале ныншняго столетия положение меннонитских и других наших колоній, какъ равно история Радичева и Сарепты, вполне подтверждают ту не новую, правда, истину, что одни и теже права, даже особыя преимущества и материальныя средства, могутъ и не вести к общественному благосостоянію; что сельское общество можетъ быть богато всякаго рода силами наилучшаго качества, и, тем не менее, результатъ взаимодействия этихъ силъ будетъ не тот, который требуется; что, наконец, общество начинаетъ подходить ближе к осуществленію своихъ заветныхъ желаній только в такомъ случае, коль скоро оно проникается системою, более или менее соответствующею его целямъ, и система эта, лежащая в основаніе частнаго и общественнаго, нравственнаго и материальнаго быта населенія, преобразовываетъ прежнее обычное общество — в цельный, осмысленно работающій организм, все функции котораго, исходя от одного общаго положенія и сохраняя каждая в частности свою естественную, но уже легально обусловленную самостоятельность, клонять жизнь солидарно по тому или другому пути, и всегда к одному логическому выводу. Конечный результатъ, достигаемый общественнымъ организмомъ, зависитъ не столько от доброкачественности отдельныхъ действующихъ в немъ силъ, сколько отъ правильнаго, солидарнаго ихъ взаимодействия, обусловливаемаго рациональностью положенныхъ в основу общества началъ, такъ что естественнымъ путемъ сложившееся общество, сохраняющее неуклонно возможную свободу всехъ частныхъ своихъ деятелей и вообще руководствуемое стоящимъ во главе его развитія удовлетворительнымъ начальнымъ образованіемъ, само и легко исправляетъ встречаемыя имъ в своей

-673-

среде частныя ненормальности — лишь-бы были вполне здравы его главнейшія основныя положенія.

Намъ известно, какимъ путемъ законодательство повело наши колоніи с начала текущаго столетія и насколько передовые представители ихъ — меннониты — съумели воспользоваться данными имъ средствами и гарантіями, восполняя недомолвки и обходя ошибки законодателя в разныхъ частностяхъ. И только рациональности главныхъ основаній принятымъ в то время мѣр, а также сохраненной за колоніями возможности самостоятельно разрабатывать частности своего быта в согласіи с указанными закономъ общими началами, мы обязаны всеми успехами, какіе находимъ теперь в быту меннонитовъ. Но, ограничиваясь этимъ выводомъ, мы все еще далеки от безошибочнаго заключенія о степени превосходства системы собственно поземельно-общиннаго устройства, меннонитовъ предъ поземельными же порядками на иныхъ основаніяхъ. В этомъ случае мало для насъ знать, что меннонитское земледельческое общество имѣетъ исходною точкою, базисомъ своимъ, известную комбинацію по земле двухъ началъ: общиннаго, какъ фактора господствующаго, регулирующаго в смыслѣ общественнаго благосостоянія, и личнаго, какъ фактора прогрессивнаго, но подначальнаго, т. е. ограниченнаго в техъ пределахъ, нарушеніе которыхъ со стороны личнаго начала должно-бы повести к разложению общины, к лишенію ея значенія цельнаго, самобытнаго организма. Мы не можемъ довольствоваться и темъ, что при более или менее стройно-легальномъ взаимодействіи названныхъ двухъ началъ, в каждой меннопитской колоніи постановка общественно-семейныхъ и экономическихъ правовыхъ условій нормальнее, чемъ в иныхъ мѣстахъ; что выходъ изъ общиннаго союза всегда открытъ для всякаго изъ его членовъ; что правила общинно-церковной дисциплины хотя и строги, но в сущности ограничиваются, или должны-бы ограничиваться — советомъ, увещаніемъ, убежденіемъ, устраненіемъ сообщниковъ отъ общенія с порочнымъ индивидуумомъ, а въ крайнемъ случае, удаленіемъ послѣдняго изъ среды общества по приговору двухъ третей его членовъ, и что наконецъ порукою за дальнѣйшее преуспѣяніе этихъ обществъ служатъ, с одной стороны—разнообразіе в нихъ, сверхъ главнаго земледельческаго, разнаго рода иного спеціальнаго труда, а с другой — присущіе общественному строю меннонитовъ

основные начала, и в том числе свобода приходского общения и равноправие по наследственному имуществу обоих полов, факторы, которые слишком разумны, чтобы не иметь на своей стороне и законодателя, и большинства современного общества.

-764-

Всем этим мы удовлетворяемся не вполне, так как отсюда все еще нельзя убедиться, что именно поземельный строй меннонитского общества играет здесь по меньшей мере такую же важную роль, какая бесспорно принадлежит другим главным факторам: правам самоуправления, гражданства и т. д.

Если стать на экономическую почву в тесном смысле слова, то меннонитский дворь-хозяйство, как нечто безотносительное, не может не казаться хотя-бы только весьма удовлетворительным даже в глазах самого требовательного фермера. Но нам вправе возразить, что такой взгляд односторонен, что истинная ценность вещи, промысла, заведения, личности и т. д. обуславливается достоинствами сколько реальными, столько же и относительными. И действительно, в настоящем случае весь вопрос в том, с точки зрения чьих интересов смотреть на предмет. Так, хозяйство меннонита N, взятое само по-себе, образцово прежде всего с общей точки зрения фермерства, за тем самого хозяина и вообще тех лиц и учреждений, которые не имеют с N и его хозяйством никаких непосредственно-обязательных соотношений. Но из этого, как само собою разумеется, вовсе еще не следует, чтобы за N и его двором признавали ту же образцовость: общество, членом которого состоит N со своим хозяйством; казна имеющая к нему фискальные требования, и, наконец, *земство*, в интересах которого может быть признано образцовым исключительно хозяйство, поддерживающее собственное благосостояние при одновременном, относительно равномерном и исправном отбывании по крайней мере тех же личных и по имуществу тягостей, какие выпадают на долю менее состоятельного соседа меннонита N. Таким образом, указав бесспорное превосходство меннонитского хозяйства пред хозяйством, например, нашего крестьянина, мы еще не доказали-бы в сущности ничего положительного, или же по крайней мере, не то, что требовалось доказать.

Ближайшее сопоставление с меннонитами Радичева и Сарепты тоже не повело-бы к цели, так как эти последние общины обращали свою деятельность преимущественно на ремесла, промыслы и торговлю, а Сарепта, сверх того, еще и на миссионерство; меннониты же, как земледельцы по призванию в принципе чуждые фанатической религиозной пропаганде, неуклонно следуют своему девизу: «культивирование праздных мест»! и развивают ремесла, промыслы и торговлю не иначе, как в неразрывно тесной связи с хлебопашеством и скотоводным

-765-

хозяйством, сообразовываясь при этом прежде всего с потребностями последнего.

Несколько ближе мы подойдем к занимающему нас вопросу, знакомясь с отношениями к поземельной общине меннонитов - Hüpfer'ов и «Иерусалимских друзей», с представителями которых мы лично беседовали. Они, правда, никак не хотели допустить, что религиозным их движениям, хотя отчасти, причастны «мирские» расчеты; но, в тоже время, они вполне подтверждали, что при своевременном устройстве сельского схода, и выборного управления на основаниях, ограничивающих до известной степени самовластие хозяев—введением в состав схода Anwohner'ов и некоторого процента от класса безземельных, — оба вопроса — религиозный и поземельный, не привели бы к такому глубокому разладу, какой существует теперь среди меннонитского братства на Молочне. Наши собеседники не отрицали при этом, что в числе последователей вновь образовавшихся приходов едва-ли не большинство состоит из безземельных, одинаково недовольных сколько религиозно-нравственным упадком своих единоверцев, столько же и небрежением со стороны хозяев—устройством быта избытка колониистского населения, и что одна из главнейших целей новых приходов — приобретение тем или другим законным путем земельного владения для устройства на нем самостоятельного гражданского общества «для жизни в мире и труде». На вопрос наш: какой, в случае приобретения земли, братства установят у себя распорядок владения и пользования? нам без затруднения отвечали, что существующая у меннонитов система — своего рода идеал сельско-земледельческого устройства, лучше которого они (наши собственники) ничего не находили ни у

нас в России, ни за границу; что благосостоянием, вызываемым этой системой, обуславливается отчасти эгоистическое увлечение большинства меннонитов «стяжанием мирских благ, в ущерб благам душевным и нравственным», тогда как последователи новых толков твердо убеждены, что «прочным и преуспевающим может быть признано только гражданское благоустройство и материальное благосостояние, идущая рука об руку с основательным религиозно-нравственным воспитанием и руководимая более или менее научными знаниями и образованием». «Никто из безземельных — присовокупляли наши собеседники — не думает серьезно об уравнительном переделе земель по душам, или даже по семействам; всякий из нас вполне убежден, что такая ломка повела-бы к полному разорению навсегда не только нынешних хозяйств,

-766-

но и благосостояния всего братства. Поэтому, безземельные поставили себе целью, не ломая существующих поземельных распорядков, ввести в состав сельского схода своих представителей, и, чрез их посредство добившись приобретения за счет общества нужной земли, устроиться на ней в составе таких же общин.» Если-бы это говорили люди «темные», забытые рутиною, то, конечно, для многих голос их мог-бы казаться незаслуживающим никакого внимания; но кругозор и реальные знания наших собеседников, осмысленные наглядным многосторонним опытом, довольно солидным образованием и критически анализирующим умом, не таковы, чтобы можно было относиться к ним свысока и небрежно. Тем не менее, мы далеки от мысли навязывать читателю приведенное свидетельство, как аксиому. Напротив, удовлетворительное разрешение нашего вопроса, мы думаем, находится в сопоставлении быта меннонитов с современным положением таких же, чисто земледельческих поселений, т. е. с остальными немецкими колониями, и особенно с теми, которые по времени, местности и условиям поселения стоят ближе к меннонитам. При этом мы увидели бы, что почти одинаково привилегированное положение и тождество гражданских условий всего колониистского состояния сводят в конце концов успех или неуспех каждого отдельного водворения к одному и тому же фактору — к внутренним распорядкам колоний по землевладению.

Но эти распорядки вызвали бы нас далеко за пределы настоящего исследования и потому мы, в заключение, обратим внимание наших читателей только на то обстоятельство, что в конце прошлого века положение поселений немцев и шведов, как в Поволжье, так и в остальных колонизированных местностях, было весьма жалкое, и заметим, что даже Контениус, несомненно сочувствовавший делу иностранной колонизации и ставший с начала текущего столетия во главе южных колоний, отчаявался, по видимому, в успехе даже меннонитских водворений, не говоря уже о попытках остальных заграничных поселян. Но, вопреки всему этому, коренные мероприятия правительства, двинувшие вперед с такою силою меннонитские водворения, вдохнули жизнь и в колонизацию остальных наших заграничных всельников.

А. Клаус.